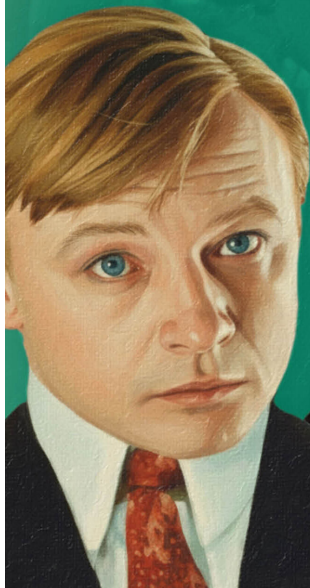

Георгий
Садовников

Большая перемена

СОВЕТСКИЙ
ЭКРАН

Георгий Михайлович Садовников

Большая перемена

Серия «Советский экран»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74621021
ISBN 978-5-00269-209-5*

Аннотация

Весной 1973 года на советском ТВ состоялась премьера четырехсерийного художественного фильма «Большая перемена». Написать сценарий фильма о жизни учащихся вечерней школы, используя свою повесть «Иду к людям» (1962 год), Георгию Михайловичу Садовникову (1932–2014), в молодости самому преподававшему в вечерней школе, предложили в конце 1969 года. Сразу было поставлено условие, что соавтором будет режиссёр фильма. Два года писатель трудился над сценарием, было перепробовано много вариантов, многое потом пришлось менять во время съёмок, перед самым их началом вместо двухсерийного было решено делать трёхсерийный, а затем – и четырёхсерийный фильм. Конечный вариант сценария очень сильно отличался от первоисточника. В данную редакцию повести включено и то, что было предложено режиссёру, но не вошло в сценарий.

Содержание

От автора	5
Большая перемена	7
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Георгий Михайлович Садовников Большая переменна

© Садовников Г. М., 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

От автора

Да, герои повести те же, что и в многосерийном фильме «Большая перемена», где я был автором сценария. Это и юный учитель истории Нестор Петрович Северов, и Ганжа, и Светлана Афанасьевна, Леднёв и его дочь Нелли, и Петрыкин с Ляпишевым. В повести всё будто бы так, как в фильме, и в то же время не так. И несколько по-другому складываются отношения Нестора с Полиной (в повести она названа Линой), Светланы Афанасьевны с Ганжой... В повести у Северова и шире круг учеников. Ведь он преподаёт не только в своём «сумасшедшем и замечательном девятом „А“», но и ведёт историю в шестом, седьмых и восьмых классах, и параллельных девятых. И в каждом из них тоже непростые питомцы.

Фильм смотрят уже более четверти века. У него миллионы поклонников, но мало кто знает, что его сценарий был написан по моей же повести «Иду к людям», впервые изданной ещё в 1962 году, в хрущёвскую оттепель. В ту пору библейский призыв «Возлюби ближнего своего» стал знаменем многих молодых писателей. Его исповедовали и исповедуют и по сей день многие атеисты, они-то уверены: этот девиз возник задолго до написания и Старого, и Нового Заветов. В пору своей молодости автор и сам принадлежал к их числу. Словом, эта важная для него тема главенствует в повести, а

лет через десять она перетекла и в фильм «Большая перемена». Однако не всё из литературной основы вошло в сценарий сериала, какие-то эпизоды остались «за кадром». Что-то из вошедшего было переиначено – «переведено» на язык кинематографа. Как известно, не всё написанное в прозе может быть воплощено на экране. В эту редакцию повести включено и то, что было предложено режиссёру, но не вошло в сценарий – не уместалось в объёмы фильма, ему были отпущены четыре серии. А кое-что было изменено по идеологическим соображениям студийного руководства. Так, один из учеников Нестора Петровича немец Карл Функе, вратарь заводской команды, в фильме стал полуукраинцем-полурусским Отто Фукиным. Тогда о наших поволжских немцах, как и о крымских татарах, старались говорить как можно меньше, мол, скользкая тема, ну её. Таким образом, прочтя эту книгу, поклонники фильма узнают кое-что новое о своих любимых героях.

Автор надеется на то, что эта повесть займёт в душе у читателя место рядом с фильмом, который он смотрит и по сей день.

Большая перемена

Светлана Афанасьевна (на уроке): Есть извечные вопросы, на которые нет ответа. Например, кто появился раньше: яйцо или курица? Что у вас, Ганжа?

Ганжа: Светлана Афанасьевна, у меня есть ответ.

Светлана Афанасьевна: Мы вас слушаем, Ганжа.

Ганжа (с широкой улыбкой): Раньше был петух!

Светлана Афанасьевна (в полном отчаянии): Ганжа, вы опять за своё?!

Из наблюдений на уроке в девятом «А»

Это был полный крах. Финита! Если бы только комедии, — конец всем моим надеждам.

Удивительно, но я добрался домой живым и невредимым. Уже в двадцати шагах от института перед моим носом истошно завизжал тормозами огромный, размером с крупного мамонта, старый автобус. Оказывается, меня вынесло на проезжую часть улицы, почти под его колёса. Водитель высунул в окошко бледную от противоестественной смеси испуга и ярости физиономию и гаркнул сверху первое, подвернувшееся ему на язык:

– Ты! Антилопа!

Странно: что он нашёл общего между нами — мной и анти-

лопой? А почему не зеброй или, скажем, американским опоссумом? Впрочем, мне было не до зоологических тонкостей. Антилопа так антилопа, буду антилопой, – мне теперь всё равно. Я покорно вздохнул и, вернувшись на тротуар, пошёл дальше. Шофёр медленно ехал рядом и, распахнув автоматические двери машины, ругал меня и так и этак. Текст обличителя был густо наспигован нецензурными существительными, сказуемыми и обилием прилагательных, я его опушу, скажу одно: он нелестно отзывался о моём интеллекте. Автобус был рейсовым, но, видимо, сошёл с маршрута, возмущённые пассажиры барабанили в кабину водителя, зывали к его совести, а он никак не мог утолить свой справедливый гнев.

На главной улице – она именуется Красной – меня задержал милиционер. Оказывается, я и тут нарушил – дважды зачем-то пересёк улицу, сначала перешёл на противоположную сторону и тут же вернулся обратно, и, как выясняется, проделал эти кренделя в неположенном месте. Милиционер полез было в сумку за квитанцией для штрафа, но, взглянув на моё лицо, махнул рукой: «Шут с тобой, топай своей дорогой, если она тебе известна!» И я шёл, потерянный главным образом для себя, другим я вовсе был не нужен, шёл, может, час, может, неделю.

Войдя во двор, я зачем-то описал дугу и ударился лбом о притолоку старенькой осевшей веранды, пристроенной к саманному дому. Дворовый пёс по кличке Сукин Сын опас-

ливо заполз в будку. От греха подальше.

Старуха хозяйка – в её домике я снимал маленькую комнату – подняла голову от корыта и поинтересовалась:

– Коньяк иль портвейное вино? Что пил-то? На базаре говорят...

Мне было безразлично, что говорят на базаре.

– Баба Маня, баба Маня, вы бы ещё вспомнили, о чём говорили на римском форуме. Во времена Цицерона, – сказал я с мягким укором и прошёл к себе.

Ухнувшись на узкую железную кровать с тонким ватным матрацем, я предпринял попытку осознать происшедшее. И как ни тщился, не мог найти для своей отчаявшейся мысли не только щёлки, но и микроскопической трещинки в институтском периоде своей пока ещё недолгой жизни, куда бы она сумела пролезть. Он был гладким и цельным, будто доска, отполирован до блеска.

Учёба на историческом факультете, все её четыре года были для меня сплошным триумфом. Уже на первом курсе я поражал воображение наивных девушек. Например, на танцах мог ошарашить партнёршу такой феерической фразой:

– А знаете ли вы, что вход в ад помещался на территории нашей Тамани? Так считали древние греки. И я!

– Только подумать, – лепетала невежественная партнёрша.

Тогда я её добивал умопомрачительным фактом.

– Как вы относитесь к опере «Князь Игорь»? Только чест-

но.

– О! Я её обожаю!

– Так знайте, лагерь Кончака был разбит на севере нашего края, а из этого следует... Правильно! Пленный князь пел свою знаменитую арию здесь, у нас на Кубани!

На втором курсе на меня обратили внимание серьёзные люди, и я был избран старостой научного кружка. На третьем меня прозвали «курсовым академиком Тарле». На четвёртом мою курсовую работу о Тмутараканском княжестве напечатал «Вестник научного студенческого общества», а профессор Волосюк сказал: я его ученик, и он мной может гордиться. Словом, легко и непринуждённо я прямо-таки церемониальным маршем шагал в аспирантуру.

Единственное, что немножко расстраивало мои чувства, – собственная внешность. Слишком она несолидная, какая-то неуместная для будущего великого учёного. Кондукторы до сих пор принимают меня за мальчишку. Так и говорят:

– Мальчик, ещё раз высунешься в окно – высажу из трамвая.

Сто шестьдесят сантиметров – всё-таки не рост. Даже для двадцатидвухлетнего мужчины. Вот как не повезло с внешностью. Не в ней, конечно, дело. И профессор Волосюк тоже в этом убеждён, и довольно твёрдо. Сам он, по моим приблизительным расчётам, не превышал ста шестидесяти пяти или где-то возле этого.

«Нестор Северов, вес учёного определяется не количе-

ством подкожного сала, а трудами» – его личное изречение. При этом он складывал ладони чашечками и покачивал плечами – изображал весы.

Тем не менее я предпринимал кое-какие меры. Пробовал отрастить курчавую бороду, на манер скандинавских конунгов, но – увы! Редкий волос лез в разные стороны и отнюдь не хотел завиваться во внушительные кольца.

Затем я, дабы придать себе побольше солидности, купил в аптеке трость, нанеся существенный урон моей и без того скромной стипендии. Но мой замысел никто не понял. Я-то степенно постукивал тростью по институтским коридорам, ну прямо как маститый учёный, а меня чуть ли не на каждом шагу сочувственно спрашивали: «Что с ногой? Где тебя угораздило?» «Бедолага, вынужден ковылять с палочкой», – говорили за моей спиной. Это про мою-то трость! И мне пришлось с ней расстаться – я её якобы забыл у дверей районной поликлиники. Авань она всё-таки сумеет исполнить своё высокое предназначение, послужив другой несомненно незаурядной персоне.

Потом прошёл выпускной вечер. Однокурсники разъехались по школам, а меня оставили держать экзамены в аспирантуру.

На кафедре истории это мероприятие считалось пустой формальностью. Приём в аспирантуру был для меня предрешён. И мой будущий научный руководитель профессор Волосюк уже набросал план нашей работы на год вперёд.

Правда, у меня завёлся конкурент – некий сельский учитель, но это обстоятельство никто не принимал всерьёз. Да и чего, действительно, ждать от человека, выбравшегося из такой глухомани, там библиотеки с академическими томами и архивы несомненно существовали только в воображении смельчака, пустившегося в эту бесшабашную авантюру.

Тогда-то я и снял у бабы Маши отдельную комнатёнку и зарылся в фолианты. Где-то в нашем городе тем же самым занимался мой соперник. Но мне было безразлично, кто он и что из себя представляет. Однажды я забежал ненадолго на кафедру истории, а там ко мне подошла молоденькая лаборантка и, округлив будто бы от изумления обведённые тушью глаза, сказала: «Северов, знаете, кто второй претендент? Вы даже не представляете!» Мне бы задержаться на лишнюю минутку и выслушать до конца, но я, самоуверенный, легкомысленно бросил: «Извините, как-нибудь в другой раз, сейчас спешу, мне ещё нужно сегодня просмотреть сто страниц!» И ушёл, не ведая о совершённой – и для меня гигантской – ошибке. Останься я и выслушай – и этот провал не был бы для меня такой катастрофой.

Пребывая в полном неведении о том, что... а вернее, кто меня ждёт, я продолжал подготовку, вылезая вечерами на короткий променад. Так было и в этот знаменательный вечер. Правда, на сей раз я почти целый день провёл в институтском читзале и потому отправился на прогулку, имея на борту, как говорят моряки, тяжёлый груз – портфель, набитый

конспектами и увесистыми томами монографической литературы.

Обычно я предпочитал бродить по тихим краснодарским улицам и переулкам. Но сегодня изменил своей привычке. Вблизи от нашего института простирался городской парк, и какой-то бес повёл меня именно туда. Нет, я, разумеется, выбрал затенённую аллею, лежавшую как бы на отшибе от весёлой парковой суеты. Она была тиха и почти безлюдна – несколько тёмных силуэтов на скамьях, вот и весь народ. Плетясь в глубоком раздумье, я, помнится, размышлял о сарматах и скифах, и мои ноги, предоставленные самим себе, самовольно привели меня к ярко освещённой арене, покрытой асфальтом, окружённой забором из металлических прутьев. Это была городская танцплощадка. Видимо, ноги полагали, будто они лучше головы осведомлены о потаённых желаниях, подпольно обитавших в глубинах моей души. И не ошиблись. Так показалось тогда. Ибо, бросив рассеянный взгляд сквозь прутья ограды, я увидел Её. Взгляд мой мгновенно очистился от всего теперь уже постороннего, сфокусировался, окреп и подтвердил: да, это Она, единственная во всей мировой истории. Для меня, конечно.

В эти минуты оркестр молчал, переводя дух, и потому Она тоже отдыхала на деревянной скамье, обмахивалась изысканным дамским платочком. Я видел её, можно сказать, царственный профиль. И восседала Она на скамье будто на троне. «Изабелла Кастильская! – воскликнул я мысленно и тут

же себе возразил: – Да, куда там до неё Изабелле в придачу с Марией Тюдор». Эти надменные королевы, и вместе взятые, не стоили взмаха её длинных густых ресниц! Я прошёл на танцплощадку, мимоходом сказав билетёрше: «Я в аспирантуру!» – и та, глянув на мой пузатый портфель, не произнесла и звука.

Я напрямик направился к Ней и учтиво произнёс:

– Разрешите вами восхищаться!

Она сначала изумилась – мол, а это что ещё за фрукт, так и читалось в её прекрасных глазах, – а затем с любопытством спросила:

– Если я не разрешу, вы же всё равно будете это делать?

– Буду, – сказал я твёрдо. – В Древнем Риме меня бы называли Принципиальным. С большой буквы.

– А как вас величают сейчас? Ваши современники?

– Нестор Северов, – представился я. – А современники из нашего института говорят так: «Вон идёт Нестор Северов – без пяти минут известный учёный».

– Так вот вы какой! Нестор Северов! – сказала Она с приветливой улыбкой.

Выходит, и эта дива уже наслышана о моей персоне, – я воспринял данную информацию как само собой разумеющуюся. Моя известность выплеснулась за стены института и теперь растекается по всему городу и даже достигла городской танцплощадки. Рано иди поздно это должно было состояться как историческая неизбежность.

– Да, я действительно такой, – признался я честно, не обманывать же Её с первых минут нашей встречи. И вообще я не люблю ложь.

– А я просто Полина, – вздохнула Она. – А ещё проще – Лина. Для своих.

– Я вам признателен за то, что вы меня ввели в круг доверенных лиц. Я в свою очередь отплачу той же монетой. Сестерцией или драхмой, это уж на ваш вкус. Словом, я человек прямой, не люблю ходить вокруг да около, и потому скажу откровенно: мне хочется вам рассказать о бронзовом горшке, найденном при раскопках под деревней Ольговкой. Он, по-моему, наводит на весьма любопытные мысли. Уверен: вы будете заинтригованы.

– Чувак, ты не туда попал. Здесь не кухня. Хиляй со своим горшком куда-нибудь подальше! – услышал я грубый мужской голос.

Только теперь я заметил её свиту – троих рослых ухоженных парней, в чёрных и красных рубахах с поднятыми воротниками, в узких брюках и остроносых мокалинах. У каждого волосы аккуратно причёсаны и разделены пробором.

– Эдик, не груби! – прикрикнула Лина на одного из своих кавалеров. – Представь, мне тоже интересно: на какие именно мысли наводит старый бронзовый горшок?

Тут оркестр грянул бойкий фокстрот.

– Итак, Нестор, я вас слушаю, – Лина встала и положила ладонь на моё плечо.

Я взял её правой рукой за талию и с портфелем в левой начал свой первый танец с Линой, ставший для меня историческим.

– Ваш портфель, видно, набит чем-то очень ценным. Вы боитесь с ним расстаться даже на один танец? – спросила Лина с добродушной, как я тогда истолковал, иронией.

– Нет, не боюсь, просто не знаю куда... Но вы правы: в нём собраны достижения исторической науки, – сказал я, немного сбившись с ритма.

– Может, мы доверим их моим друзьям?.. Мальчики! Возьмите у нас портфель! – приказала она тоном укротительницы, и Эдик, недовольно рыча, взял мой научный груз.

И, накренившись на правый бок, недовольно пробурчал:

– Что у него там? Кирпичи?

– Это, Эдик, знания. И как видишь, весьма весомые, – поучительно произнесла Лина.

Эдик одарил меня тёмным, недобрым взглядом.

– Ничего. Он выдержит. Тяжести – его стихия. Эдик – штангист, – сказала Лина, едва мы возобновили прерванный танец.

Мы танцевали ещё и ещё, вызывая неудовольствие свиты, а после танцев я проводил её домой. За нами в некотором отдалении следовали её мрачные придворные. Дай этим парням полную волю, и они, наверное, разорвали бы меня в мелкие клочья, аки молодые львы. Но со мной была их грозная укротительница.

Мы с Линой шли по ночным краснодарским улицам, непринуждённо болтали о том о сём. Но главной темой у нас была история. Оказалось, Лина имеет к ней некоторое отношение. То есть она была дипломированным историком, закончившим Ростовский университет, но теперь работает простым учителем и притом сельской школы, а та, в свою очередь, сеет доброе и вечное в небольшой скромной станице. Её название тотчас вылетело из моей головы. В общем, она находилась где-то возле Тамани. А сейчас Лина гостит у своей тёти, наслаждается городской жизнью и заодно, пользуясь случаем, занимается в публичной библиотеке – читает новинки, словом, повышает свой профессиональный уровень.

Когда мы прощались, я не удержался и тщеславно спросил: от кого и где она слышала обо мне.

Она рассмеялась и загадочно произнесла:

– Придёт время, узнаете. Пусть пока это будет для вас сюрпризом. И надеюсь, приятным.

С этого дня мы встречались почти каждый вечер, ходили в кино, в театр и на танцы. «Я хочу натанцеваться впрок, на целый учебный год. В нашей станичке не особенно попляшешь. Иначе осудят старики и особенно старухи. Я ведь педагог! Для них вроде монашки». А потом мы бродили по городу. Как-то незаметно перешли на «ты». А когда мы прощались, случилось нечто неожиданное: я машинально протянул руки, собираясь, не зная зачем, обнять расположенный пе-

редо мной объём воздуха, а в нём, думаю, совершенно случайно оказалась Лина. Но на этом удивительное не закончилось: я так же машинально приоткрыл губы и чмокнул тот же самый объём воздуха, и нечаянно попал в губы девушки. Я ещё ни разу не целовал девушек, и это был мой первый поцелуй, пусть и случайный. И надо признаться, мне он понравился.

– Надо понимать, так тебя заинтересовал вкус моей помады, и ты решил попробовать. И как? Тебе понравилось? – спросила Лина.

– Очень! Но если честно, на самом деле это был поцелуй, хоть и нечаянный! – признался я отчаянно.

Лина подумала и сказала:

– Если это был поцелуй... Нестор, я должна тебе сказать правду: не коллекционирую поцелуи. Даже принадлежащие гениям. И потому твой я тебе возвращаю!

Она обняла меня за шею и поцеловала. Моё наблюдение подтвердилось: её помада действительно была восхитительной.

– Может, тебя это покоробит, – начал я осторожно, – но я в восторге, ну, от всего этого.

И мне хотелось бы повторить, то есть проверить: так ли это замечательно, как показалось.

– Странно, но подобное чувство испытываю я! И ты прав! Почему бы нам не проверить? – философски заметила Лина.

Мы было заключили друг друга в объятия, но тут появи-

лись где-то загулявшие жильцы, пожилая супружеская пара прошла в дверь, бросив в нашу сторону любопытствующий взгляд. Припозднившиеся жильцы шли и шли, можно подумать, в этот поздний вечер загулял весь дом. Нам пришлось расстаться.

И так было каждый раз: стоило нам уединиться в укромном тёмном месте, как сейчас же появлялись какие-то люди, не жилось им на освещённых улицах или аллеях городского парка. Непрошенных зрителей притягивало к нам будто магнитом. О поцелуях в светлую пору дня и вовсе нечего было думать. По городу ходили команды комсомольских бригад-мильцев, цепко следили за нравственностью горожан. А целоваться хотелось!

И меня как-то осенило, я сказал своей девушке:

– Есть идея! Поехали на вокзал! До отхода поезда осталось... Не важно, какой-нибудь поезд будет. Если нужно, пождём!

Моя девушка оказалась из сообразительных – всё поняла даже не с одного слова, а ещё раньше, избавив меня от объяснений. Она сплошь состояла из загадок. Если бы я знал, из каких...

– Ты уверен, что твоё призвание – историк? – в её вопросе таилась, как я потом понял, скрытая насмешка.

Но я тогда этого не заметил, самоуверенно возразил:

– Не сомневайся! Историк! А кто же ещё?

– Учитель, например! Учителю находчивость ох как нуж-

на! Историк без неё обойдётся запросто. Он берёт другим. Для работы в архивах, скажем, необходим усидчивый зад.

Она долбила своё, а я легкомысленно отмахнулся: поехали, поехали на вокзал!

Задержавшись ненадолго в зале ожидания, изучив расписание поездов, мы выбежали на перрон. С первого пути отправлялся состав «Краснодар – Новороссийск», возле вагонов колготился народ, провожающие и отъезжающие прощались, обнимая, целуя друг друга. Мы влились в это братство. Лина уезжала, провожал я.

– Ты в этом Зурбагане не задерживайся! Пиши! – говорил я Лине, сопровождая поцелуями едва ли не каждое слово.

– Я буду писать как можно чаще! А ты не скучай! – отвечала Лина.

И что ценно: на нас никто не обращал внимания. Когда этот поезд ушёл, прибыл другой из Сочи. В нём будто бы приехала моя девушка, а я встречал. Мы обнялись с таким жаром, точно не виделись год.

Так мы блаженствовали три дня. До нас, казалось, никому не было дела. На перроне наши страсти считались рутинной. И всё же на четвёртый к нам подошли два милиционера, пожилой старшина и молодой сержант, их привёл тощий носильщик с лицом, искажённым асимметрией.

– Это они! Я за ними давно наблюдаю. Будто уезжают-приезжают, даже целуются, а сами ждут: а вдруг кто зевнёт багаж, тут они его и поминай как звали, – наклеветал носиль-

щик; из-за асимметрии, кривившей губы, его улыбка казалась сатанинской. – Я подпишу любой протокол, что составите, то и подмахну, – подло вызвался этот вокзальный мифистофель, когда нас доставили в комнату милиции.

– Иди работай! Понадобишься, кликнем, – отправил его старшина. – Ну? Что скажете, чемоданчики? – А это относилось к нам.

– Мы без пяти минут жених и невеста, – пояснил я, не считая это утверждение преступной ложью, но с тревогой посмотрел на Лину, как-то она отнесётся к моим словам.

Но моя боевая подруга меня не подвела, сказав:

– У нас любовь с детского сада!

Обращаясь к молодому сержанту, – уж он-то должен нас понять, – я открыл представителям власти нашу тайну.

– Это разврат! Мало им своих институтов, так они его тащат в детский сад! Старшина, давай их в КПЗ! – раскричался предатель-сержант.

– Помолчи! – одёрнул его старшина. – Вот что, ромеи и джульетты, чтоб я здесь вас больше не видел. Целуйтесь хоть в Москве, на Красной площади. А сунетесь на вокзал – пришьём статью!

Мы вернулись в чёрные тени деревьев и тёмные дворы, как к себе домой после долгого отсутствия, и мне и здесь было хорошо – со мной была любимая девушка... Мне даже приснился эротический сон: будто мы с Линой зашли в универмаг и там покупаем для меня мужскую рубашку. Верх-

нюю, верхнюю, разумеется. Это была инициатива Лины. По её мнению, мне следовало предстать на экзамене красивым и элегантным. Она же и подобрала к новой сорочке подходящий полосатый галстук.

И вот настал день экзамена по истории СССР – по сути, всё решающего испытания. Придя на кафедру, я был приятно изумлён и очень растроган, увидев Лину. «Значит, она меня тоже любит!» – возликовала моя душа.

– Ты пришла поболеть? Не беспокойся. Для меня это всего лишь формальность, – сказал я, взяв её руки в свои.

– Не забывай, у тебя есть конкурент, – деликатно напомнила Лина.

– Бедняге ничего не светит, – сказал я, может, несколько жестоко, но справедливо. Конечно, с моей точки зрения. – Кстати, где же он? Волосюк не любит, если опаздывают. А может, он вообще не придёт. Понял бессмысленность своей затеи и теперь небось трясётся в автобусе, катит восвояси. Да, да, он определённо струсил.

– Ну зачем же так. Возможно, его задержали непредвиденные обстоятельства и он будет с минуты на минуту, – произнесла Лина с мягким укором.

Но пока пришёл сам профессор Волосюк, он явился бесшумно, как-то вдруг, мы не успели разомкнуть руки.

– Вижу, все в сборе. Приятно, когда среди соперников царят мир и любовь! – обрадовался добряк-профессор и, отойдя к своему столу, занялся какими-то бумагами.

– Как это понимать? Он – это ты?! – спросил я вполголоса, ещё не веря своим ушам.

– Он – это я, – смущённо подтвердила Лина, тоже почти шёпотом.

– Так что же ты? – я не находил слов.

– Я хотела преподнести сюрприз. Я предупреждала.

– Приятный сюрприз, – напомнил я. – А этот...

– Я думала, тебе будет приятно, что он – это я.

– Ты думала, я садист? Спасибо! Ведь я как бы должен тебя своими руками, словно Отелло... Только по другому поводу. Ты меня превращаешь в убийцу! – Я невольно почувствовал себя героем из шекспировской трагедии, только эту великий Вильям не успел написать. А может, и сочинил, но вихри исторических бурь унесли рукопись прямо со стола и развеяли по зелёным английским равнинам.

– Не бойся! Я чертовски живуча, – улыбнулась Лина.

– У тебя нет никаких шансов. Даже такого! – Я показал ей ноготь своего мизинца.

– Нестор, я сейчас всё исправлю, если ты так переживаешь. Ну её, аспирантуру! Сейчас скажу: я передумала и снимаю свою кандидатуру. Хочу назад в свою школу, к моим ребятам, – засуетилась Лина и окликнула Волосюка: – Профессор!

– Я слушаю, слушаю, голубушка! – отозвался Волосюк, оторвавшись от своего занятия.

– Профессор, она собиралась сказать... в общем, мы го-

товы. Оба, – опередил я Лину. И это был роковой шаг.

Оказывается, мойры, богини судьбы, все скопом швырнули мне из голубых небес, с вершины своего Олимпа красно-белый спасательный круг, и, ухватись я за этот божий дар, всё пошло бы по моему плану, но я самонадеянно его отверг!

– Ну, смотри, я хотела, как тебе лучше. Да ты не расстраивайся. Я переживу, – сказала Лина совсем по-матерински. А может, так утешают жёны.

Мы присели рядышком за один из столов. А вскоре к профессору присоединились остальные члены комиссии, сели одёсную и ошую, то есть по правую и левую руку от Волосяка, и тот сказал, благожелательно оглядывая нас с Линой, ожидающих своего часа:

– Вижу, ваши полки приготовились к бою. Ну, друзья-рабочники, кто первым пойдёт «на вы»?

– Вперёд мы выпускаем Северова. Он – наш Пересвет, – опередив меня, в тон ему приткнулась Лина.

Я на неё зашипел:

– Зачем ты его дразнишь? Он не всегда понимает шутки.

– А мне теперь всё трын-трава, – прошептала Лина бесшабашно.

– Я, стало быть, Челубей, – однако, ничуть не обидясь, резюмировал Волосяк. – Значит, вы, голубушка, не теряете чувства юмора? Это хорошо! Ну, коли так, Северов, милости просим на лобное место.

– Подожди, – остановила меня моя соперница и заботливо

поправила галстук, будто собирала в поход на половцев. – Тебе ни пуха ни пера, а я иду к чёрту.

Я говорил обстоятельно и уверенно, а когда ответил на особо коварный вопрос, за моей спиной раздались аплодисменты и голос резвящейся Лины:

– Браво, Нестор!

– Кузькина! – будто бы строго одёрнул её Волосюк, но было видно: он тоже доволен моим ответом.

– Смелее, профессор, ставьте, ставьте «отлично»! Неужели вы ещё сомневаетесь? – не унималась Лина.

– У кого ещё будут вопросы? – спросил Волосюк своих коллег.

Те, одобрительно глядя на меня, ответили: мол, всё ясно, лично они удовлетворены. И профессор поставил мне «отлично».

– Ступайте, Северов. А мы слушаем нашу кавалерист-девицу. Посмотрим, по-прежнему ли боек её язычок, – сказал Волосюк.

– Я останусь, поболею за Кузькину, – ответил я, считая: моё присутствие придаст ей душевные силы, поможет справиться с горечью поражения.

Я направился к нашему столу, а Лина побрела на освободившееся «лобное место». На какое-то мгновение мы встретились, и она сердито прошептала:

– Чтоб ты видел мой позор? Не хочу! Жди меня в коридоре. Я не задержусь.

Однако прошло десять... пятнадцать... двадцать минут, а она всё ещё оставалась в руках, – нет, в лапах! – комиссии. Что они с ней вытворяют, инквизиторы?! Я метался по пустынному институтскому коридору, рисуя в своём воображении ужасные картины. Вот Лина безутешно рыдает, бьётся головой о профессорский стол, вот она и вовсе лишилась чувств, точно в какой-нибудь мелодраме, а члены комиссии во главе с Волосюком плещут в её безжизненное белое лицо водой из графина.

Наконец, я не выдержал, распахнул дверь и сказал, не приду́мав ничего лучшего:

– Профессор, я забыл на вашем столе свои очки.

Волосюк кивнул: мол, забирайте, – и снова повернулся к Лине и торжествующе произнёс:

– Голубушка, у вас же нет никаких доказательств!

Лина, слава богу, была в полном здравии и даже в боевом духе. Глаза её блестели азартом.

– Есть у меня доказательства, профессор! – возразила она дерзко.

Я, шаря по столу одной рукой будто бы в поисках очков, палец второй приложил к губам, подавая Лине знак: молчи, не спорь с Волосюком.

Но Лина, скользнув по моему лицу отсутствующим взглядом, продолжала:

– Сии доказательства я нашла вместе со своими ребятами. Мы вели раскопки на древнем городище. Это как раз рядом

с нашей станицей. На эти находки, кстати, ссылается академик Бубукин. Разве вы не видели июньский номер «Вопросов истории»?

– Видеть-то видел. Но прочесть... знаете, не дошли руки, – смущённо пробормотал Волосюк и тут спохватился: – Северов, разве вы носите очки? По-моему, вы пока обходитесь без оптики.

– Действительно! Обхожусь! Вот умора! Видно, я их с чем-то перепугал, – посетовал я, прикидываясь необычайно рассеянным чудаком.

– Перетрудились, Нестор Петрович, – пошутил один из членов комиссии, и в голосе его мне послышались неприятные жалостливые нотки.

Се был первый предупреждающий звонок, но я этого ещё не понял. И поспешно ретировался в коридор.

За Лину теперь я был спокоен. И всё же в душе моей поселилась смутная тревога. Она разбухала, точно на дрожжах, оставаясь такой же неясной. И это длилось до тех пор, пока не распахнулась дверь и в её проёме не возник Волосюк.

На его растерянном виноватом лице было написано всё – произошло то, чего я никак не ожидал. И это было непоправимо.

– Ничего, дружок, через два-три года можно попытаться снова... – залепетал он, приближаясь ко мне.

Но я бросился прочь по длинному коридору. За спиной послышался возглас Лины:

– Нестор! Куда же ты? Подожди!

Её голос подхлестнул меня, будто плеть... Она знала, чем закончится всё это, и потешалась, готовя свой сюрприз. Играла со мной, словно кошка с мышкой. Как же я не заметил иронии в её похвалах? На словах Лина будто бы мной восхищалась и даже назвала «гением»! «Поцелуй гения»! Даже поправила галстук! На самом деле готовила к гильотине.

А я, простак, развесил уши. Наверно, она старше меня на целый год, может, на два, – значит, человек искушённый, а может, и уже настоящая роковая женщина. Ей было скучно там, в станичной глуши, и теперь она развлеклась на всю катушку, всласть поиздевалась над наивным и доверчивым молодым человеком. Ничего себе, сельская учительница! Вон-вон её из головы, долой из сердца!

Дальше было моё трагическое шествие по городу, и меня обозвали «антилопой»...

И вот сейчас я валяюсь, так и не удосужившись переодеться, прямо в своём единственном костюме, он же праздничный, он же просто выходной, лежу, судорожно вцепившись в подушку, и у меня такое ощущение, словно падаю в немую бесцветную пустоту.

Сердце подскочило вверх, сжалось и замерло где-то под горлом, будто я его проглотил и оно застряло в пищеводе.

Я сел на кровать. Что после всего такого писать отчиму в Адлер? «Я оказался дутым, аки мыльный пузырь, будь добр, прими меня снова под своё надёжное крыло». Нет, о возвра-

щении к нему не может быть и речи. Отчим и так хватил со мной хлопот после смерти матери. У него уже завелись собственные дети, и он-то небось радёшенек за меня и за себя – вырастил выдающуюся личность и отправил в путь, усыпанный лаврами, украшенный радостями жизни.

За окнами хлюпала вода. Баба Маня поливала цветы. Она успела растрезвонить по всему Клубничному переулку, мол, у неё живёт учёный человек. В результате ко мне повадился ходить отставник Маркин. Заявлялся с шахматами – «поболтать на литературные темы».

На днях баба Маня, щуря ясные, неизвестно каким чудом уцелевшие от старости глаза, наивно спросила:

– На базаре говорят, все учёные книжки сочиняют. А как называется твоя-то? Соседи спрашивают. А мне и совестно. Не знаю.

Заранее приложила к уху ладонь раковиной, надеясь услышать название несуществующей монографии. Хотел бы я сам знать его. Но я сказал:

– Она называется так: «Об историческом развитии чрезмерного любопытства от Евы до торговки с Сенного рынка».

– Еву выселили из рая. Значит, серьёзная книга. Ну, пиши, пиши...

Как же, написал! Сотни научных работ! Тысячи! Ха-ха! (Смех, разумеется, был горьким.) «И что же ты теперь собираешься делать, Северов Нестор? – спросил я себя с трагической усмешкой и сам же ответил: – А то, что делает неудач-

ник, когда его розовые мечты и светлые идеалы обращаются в прах! Он, махнув рукой на свою судьбу, – а-а, пропади всё пропадом! – заливает горе водкой, путается с уличными женщинами, а потом, доканывая своё сердце, разрывая его в мелкие клочья, декламирует стихи Есенина из его душераздирающего кабацкого цикла. Именно так поступают в кино и книгах те, чья жизнь, налетев на рифы или айсберг, пошла на дно. Вот и тебе, бедняга Нестор, не остаётся ничего другого, как пуститься по этой кривой дорожке».

Я поднялся с постели и осмотрел свой чёрный выходной костюм – подарок отчима: пиджак и брюки, как и следовало ожидать, были изрядно мяты, будто меня пропустили через какой-то агрегат, где долго и основательно мяли, а затем выплюнули вон, но сегодня их непотребное состояние отвечало моему душевному настрою, – опускаться так опускаться, можно начать и с этого. Да и кто из опустившихся расхаживает в отглаженном виде? Не останавливаясь, я продолжил работу над своим новым обликом: застегнул пиджак косо-накосо, его левая пола поднялась выше правой, затем вырвал одну из пуговиц с мясом, приспустил галстук и вытащил поверх пиджака, расстегнул ворот сорочки и, взявшись за голову, яростно разлохматил причёску. Завершающий мазок на этом непарадном портрете я нанёс, выйдя во двор, – там, у дверей, стояло ведро с разведённой извёсткой – баба Маня собиралась подкрасить летнюю печь, – так вот я извлёк из этого раствора кисть и провёл по носам своих начищен-

ных туфель.

– Петрович, ты это зачем? – удивилась моя хозяйка.

– Опускаюсь, баба Маня, иду на дно! – сказал я и вышел за калитку.

На углу нашего Клубничного переулка и Армейской улицы, точно последний приют для падших, раскинула свои фанерно-пластиковые стены забегаловка «Голубой Дунай», прозванная так пьющим народом за аквамариновый окрас. Сюда я и пришёл – топить в водке свою молодую талантливую жизнь.

Падение нравов здесь начиналось после окончания трудового дня, тогда, отработав смену, в «Голубой Дунай» со всех сторон стекались рабочие и служащие компрессорного завода и ближайших строек. И сейчас, посреди белого дня, контингент питейного зала насчитывал всего лишь два штыка. Я стал третьим. Первый (от входа), уже получив своё, спал в углу, уткнувшись лицом в неубранный пластиковый стол. Второй, высокий плешивый мужчина лет сорока, топтался возле буфетной стойки и, низко наклонясь, видно был близорук, изучал бутерброды и прочие закуски, разложенные за стеклом витрины. Я стоял у порога, передо мной простирался пол, усеянный свежими опилками, пол как пол, если не считать опилок, однако мои подошвы будто приклеились к его линолеуму – это таяла моя решимость, стекала к моим ногам. «Кто же так опускается, хлюпик?!» – прикрикнул я на себя, подтащил своё безвольное тело к буфетной стойке

я, не давая ему опомниться, выпалил в лицо рыхлой полу-сонной продавщице:

– Мне стакан водяры! Полный, по самую ватерлинию! – повторил я присказку одного из своих однокурсников, бывшего моряка, плававшего на эсминце. – И желательно «сучка». Чтобы шибало сивухой. Я – извращенец!

До этой трагедии я предпочитал сухое вино, водку и прочее крепкое принимал в редких случаях, бывало, выпьешь граммов тридцать, в ответ на вопрос: «Ты меня уважаешь?» – и более ни-ни. Но так было в прошлом – теперь я катился в тартарары.

– У нас всё «сучок». Другого не держим, – безучастно ответила продавщица.

Она лениво взяла с подноса мокрый гранёный стакан и, наполнив бесцветной жидкостью из распечатанной бутылки, придвинула к моим нерешительным ручонкам.

– Не рано ли начинаешь? – спросил второй, то есть плешистый, оторвавшись от созерцания бутербродов.

У самого-то нос был красен, будто схваченный насморком, из ушей торчала вата.

Я с опаской посмотрел на стакан – водка дробилась в его гранях зеленоватым светом, как и положено «зелёному змию», и забубённо ответил:

– А мне что утром, что вечером, нет никакой разницы!

– Я не о том, – возразил плешистый и потребовал от буфетчицы: – Забери у него это пойло, пока не поздно. Он же

ещё малец!

– А пьёт за свои. Закусывать будем? – спросила продавщица прежним скучающим голосом.

– Мадам, это вы мне? Лично я пью, не закусывая! – воскликнул я, прикидываясь оскорблённым. – Да я сейчас эту жалкую водчонку залью в один глоток! Я её, ничтожную, одним махом! Для меня, любезные, стакан всё равно что напёрсток. Я её глушу вёдрами! Смотрите: ап!

И я точно сиганул в чёрную бездну – ухватил стакан всей пятернёй и поспешно опрокинул в рот. В моё горло хлынул огненный поток, я задохнулся и исторг его себе на грудь. Меня сотрясал неистовый кашель, и всё оставшееся в стакане само собой выплеснулось на пол.

– Ну вот, – удовлетворённо произнёс плешивый. Мол, этого и следовало ожидать.

– Повторить? – невозмутимо спросила продавщица. Однако в её тёмных апатичных глазах возник слабый интерес.

– А ты, Дуся, не подначивай парня! – прикрикнул на неё плешивый.

– Бла... кха, кха... благодарю, кха, кха... я сыт, – выдавил я сквозь кашель и, рассчитавшись, покинул «Дунай», так и не ставший для меня дном.

Придётся его, это дно, искать в другой части города, и я погнал себя на железнодорожный вокзал – там, как утверждали распутники с нашего курса, чуть ли не табунами водились продажные женщины. По словам тех же рассказчи-

ков, это было самое подходящее место для успешной и, главное, безопасной торговли собственным телом, при появлении патруля находчивые дамы бросались на перрон, к поездам, — изображая благопристойных встречающих и провожающих, платочками махали вагонным окнам и туда же слали воздушные поцелуи.

Я сжал в кармане пиджака тощую пачечку пятёрок, трёшек и рублей — весь мой скудный бюджет, и вошёл в здание вокзала. Его огромный вестибюль так и кишел людьми, их тут сотни, а может тысячи, они сновали туда-сюда и с багажом, и с пустыми руками, и в этой толчее было множество женщин — поди угадай: кто из них блюдёт целомудрие, а кто предлагает себя за деньги всем, кому не попадя. Не будешь же соваться к каждой с изысканным вопросом: «Пардон, мадам, вы часом не проститутка?»

А дубовая вокзальная дверь впускала с улицы новые толпы народа, будто его здесь не хватало. Отворилась она и в очередной раз, и в здание несмело вступила сельская девушка в цветастом платке и приветливо сказала тысячеголовой гудящей массе:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, здравствуйте! Проходите и чувствуйте себя как дома! — ответил я за весь вокзал и, спохватившись, скрылся за спины людей — нет, такое непорочное создание не для меня. С ней один путь: в высокие духовные сферы. А мне в обратную сторону.

Но я зря волновался – они меня заметили сами и тотчас начали охоту. Я почувствовал на себе чей-то цепкий ошупывающий взгляд и, повернув голову, обнаружил его источник. Вокзальная Артемида сидела, а вернее, стояла в засаде рядышком с расписанием поездов. Охотница была упитанной особой, её бюст вздымался под розовой нейлоновой кофтой двуглавым Эльбрусом, полные бёдра распирали ядовито-зелёную юбку, и та, поддавшись напору плоти и нарушая приличия, открывала ноги выше колен. Но главным в этой атакующей рекламе было её лицо, грубо размалёванное гримом. Дама будто сошла в зал с экрана, из фильма «Ночи Кабирии». Там героиня дежурила на улицах в компании других проституток, и одна из них была такой же габаритной, как и эта, с нашего вокзала, и звали её, кажется, Джальсаминой. Кабирия так и кричала на весь Рим: «Джальсамина! Джальсамина!»

Поймав в ловушку мой взгляд, Артемида-Джальсамина растянула толстые ярко-красные губы в призывной улыбке и поманила пальцем: мол, иди ко мне, красавчик, я тебя съем! Так я перевёл её улыбку и жест. Нечто подобное мне встречалось в зарубежных романах и фильмах.

Итак, у меня появилась отличная возможность загубить свою молодую жизнь – спутаться с отъявленной продажной женщиной. И тут решимость снова бросила Нестора Северова на произвол судьбы – я оробел! Вот падших ругают кто во что горазд, их презирают, но, как оказалось, опуститься не

так-то легко, тем более на самое дно, и в этом я убедился на собственном опыте, сейчас на краснодарском вокзале.

Джальсамина звала к себе, а я стоял, будто окаменев. Тогда она сама сдвинулась с места, направилась ко мне, вихляя мощными бёдрами, покачиваясь на высоченных каблуках.

– Три рубля! – выпалила она, едва не въехав в меня своим грандиозным бюстом.

– Так дёшево? – удивился я, забыв про недавний испуг.

– Если, по-твоему, этого мало, пусть будет четыре, – прибавила Джальсамина.

– Пять! – возразил я, заботясь прежде всего об интересах этой заблудшей души.

– Ладно, но ни копейкой больше! – предупредила она, блюдя, в свою очередь, интересы мои, и задержала взгляд на моём скособоленном пиджаке. – За тобой что? Никто не смотрит?

– В каком смысле? – не понял я.

– В обычном. Жениться ты ещё не созрел, зелен ещё. Я имела в виду твою мамку.

– Нет у меня мамы. Умерла. И давно.

– То-то и видно, – вздохнула Джальсамина и занялась было пиджаком, начала перестёгивать пуговицы из петли в петлю.

– Не стоит. Это мой новый облик, – заартачился я, стараюсь высвободиться из её крепких рук.

– А я с таким не пойду! – прикрикнула Джальсамина. –

Что скажут люди? Подцепила опустившегося охламона! Во, теперь нормальный человек. Ну, пошли! У нас мало времени, надо успеть.

Она мёртвой хваткой вцепилась в мой локоть, видно опасаясь упустить добычу, и повлекла в глубь вестибюля.

– Должен предупредить: я ещё никогда... Ну вы меня понимаете, – говорил я, впадая то в жар, то в холод. Мне ещё не приходилось быть с женщиной, в этом смысле. Я, стыдно признаться, – девственник.

– Все когда-нибудь занимаются этим. Не тушуйся! Дело простое, минутное. Раз-раз, и ты будешь свободен, – буднично ответила Джальсамина, для неё-то, при её профессии, такое занятие было обыденным, как сапожнику прибить набойку.

Она зачем-то привела меня в зал ожидания. А там людей и вовсе было невпроворот. Неужели я, по её мнению, способен путаться с ней при всём народе? Мы же не собаки, чёрт подери! Нет, опускаться до такой глубины – это уж слишком, к подобному падению, каюсь, я не готов!

Я хлопнул себя по лбу, изображая провал памяти:

– Вот склероз! Извините, но меня ждут в институте!

– Подождут лишних пять минут, ничего с ними не случится! А мне некогда искать другого мужчину. Ну, пошевеливайся поживей! – Она ещё крепче сжала мой локоть.

Я всё же упёрся, но Джальсамина оказалась дамой геркулесовой силы, она легко одержала надо мной верх и подта-

щила к двум чемоданам и пузатому туристическому рюкзаку. А хозяйственным сумкам, казалось, не было числа. Видать, эта жрица любви весь свой скарб держала на вокзале и вообще жила по месту своей работы. И не одна – на самом большом фибровом чемодане, перевязанном белым шнуром, сидел белобрысенький мальчик лет шести-семи.

– Юра, в ружьё! – скомандовала Джальсамина мальчонке и бесстыдно, при ребёнке-то, пощупала бицепс на моей правой руке. – Жидковат. Значит, так, я возьму большой чемодан, рюкзак и эту сумку. Она потяжелей. А ты чемодан маленький и вторую сумку. Они полегче.

– Я мужчина и не позволю даме... – забормотал я, ничего не понимая. Зачем нам мальчик и куча вещей?

– Мужчина среди нас, оказывается, я! – перебила Джальсамина. – Хватит болтать, так мы и опоздаем. Понесли! Нам на вторую платформу. – И, легко подхватив свой тяжеленный груз, мощно двинула на перрон. – Мы с сыном едем к мужу. Он – военный, служит в Ейске, – говорила она, не оборачиваясь.

Мы с Юрой бежали следом, стараясь не отставать, будто две собачонки – взрослая и щенок. Так, не сбавляя темпа, наша тройца выскочила на перрон, подлетела к одному из вагонов, втащила вещи в купе и поставила на полку. Джальсамина протянула мне пять рублей: «Получай, ты заработал!» Тут я наконец всё понял и с достоинством отвёл её руку.

– Я за помощь деньги не беру. Особенно с женщин и де-

тей.

– Тогда ради чего ты затеял эти торги? – удивилась Джальсамина, вскинув тонкие, наверно выщипанные, брови. – Развёл целый базар, набивал цену, поднял стоимость с трёх до пяти.

– Хотел вам заплатить побольше. Ну что такое три рубля? Копейки! – бухнул я, спасаясь, и торопливо полез за деньгами в карман.

– Заплатить мне? Интересно, за что? – насторожилась Джальсамина.

– За предоставленную честь! Поднести ваш багаж, чем я и воспользовался с удовольствием, – добавил я, продолжая изворачиваться и так, и этак.

Пока я отсчитывал оговорённую сумму – трёшник и две рублёвки, – женщина обдумывала мои слова, а обдумав, покладисто согласилась:

– Ну, коли ты настаиваешь, мы возьмём. Сгодятся на такси. Я почему обратилась к тебе? На носильщика не хватало денег.

«Эх ты! Даже скатиться на дно – и того сделать не сумел. Неудачник!» – беспощадно бичевал я себя, плетясь через вокзальную площадь.

Ночью я вышел во двор. Над домиком висел тоненький серп луны. В кустах жасмина горел светлячок мощностью в несколько ватт. Он был женского пола, у этих существ горят только леди, мужчины внешне сдержанны, как и у лю-

дей, зато женщины сияют, точно крошечные лампы, сияла и эта светлячка, но сияла она ради другого, кого-то звала, а меня точно и не было – даже для насекомых! Что усугубляло моё одиночество. Я задрал голову к луне и завыл строками из Есенина:

*Годы молодые с забубённой славой,
Отравил я сам вас горькою отравой.
Я не знаю: мой конец близок ли, далёк ли,
Были синие глаза, да теперь поблёкли.*

А дальше почему-то в голову полезли тоже есенинские, но вполне оптимистические строки: «Шаганэ ты моя, Шаганэ!.. Полина!» Последнее было моей собственной добавкой, этот вопль вырвался сам собой и полетел к спутнице Земли, там, наверное, шлёпнулся в лунную пыль. Потерпев окончательное поражение, я умолк и вернулся в дом. Ни учёный, ни опустившийся субъект из меня не получились, мне оставалось одно – пойти в педагоги.

Вернувшись в комнату, я извлёк из-под кровати свой потёртый чемодан, послуживший не одному поколению Северовых. Где-то в его недрах, в ворохе белья затерялся диплом, готовый сообщить каждому, явившему любопытство: радуйтесь, Нестор Петрович Северов наконец-таки получил звание учителя истории, в средней школе, в средней, не выше того. Я его сунул на самое дно, сняв копию для аспирантуры. Вообще-то он – диплом не простой, корочки с отличием.

Сплошь «отлично», и только одно «хорошо», и оно, – правильно, угадали! – по педагогике. Я не собирался мелочиться – тратить себя на школу и в педагогический институт пошёл лишь по одной причине: там, среди прочих, был свой исторический факультет, а я рвался в историки.

Моя комната теперь казалась убогой – стыдливая келья школьного учителя. Мухи – и те остались только молодые, легкомысленные, – опытные, с претензиями на комфорт покинули её стены и теперь облетают за квартал, зная: здесь у них нет будущего.

Бывалому, приобретённому на барахолке туалетному столику уже не светит великолепная карьера – не быть ему на склоне лет внушительным письменным столом маститого учёного. А пока он служит пьедесталом для фотографии Лины.

* * *

Я помню почти по минутам тот день, тогда и был сделан этот снимок. Мы отправились на берег Кубани, и с нами увязался мой ещё недавний однокурсник Костя. Вот там, на фоне стремительной реки, её мутных вод и пирамидальных топей, он и сфотографировал Лину. Она улыбалась, степной ветерок трепал её причёску. Снимок был слегка засвечен. Но причиной тому, казалось, было не ослепительное южное солнце, а открытая, счастливая Лина улыбка.

А сначала мне надлежало зайти за ней к её тётке. Я в тот день устроил себе выходной и подошёл к их подъезду за сорок минут до назначенного срока. И долго, убивая время, изнывая от нетерпения, околачивался на соседних улицах. Минуты ползли невыносимо медленно, растягиваясь, точно расплавленный воск, вдвое, втрое, а может и в десять раз. Земля сегодня еле поворачивалась вокруг своей оси, и мне хотелось подтолкнуть её ногами, как это делают эквилибристы, стоя на больших красочных шарах.

Секунда в секунду я нажал кнопку звонка. За дверью щёлкнул замок, и передо мной предстала Лина, вышла сама, как подарок. За её спиной, в глубине квартиры парадно били часы.

– А ты пунктуален! – одобрительно отметила Лина. – Как Людвиг Фейербах.

Она была в милом ситцевом халатике. Волосы влажно темнели, пахли хвоей. Кожей лица я чувствовал её едва уловимое тепло. Я впал в умиление, словно она доверила мне самую сокровенную тайну.

– Пройди сюда. Я оденусь.

Волнуясь, я вошёл в комнату. Напротив, в дверях, стоял мужчина.

– Нестор, – представился я, раскланиваясь, и с достоинством добавил: – Петрович.

Мне хотелось произвести на всех обитателей этой особенной квартиры солидное впечатление, как человека серьёзно-

го, более того – значительного.

Однако незнакомец оказался моим собственным отражением в трюмо. Больше в комнате никого не было.

– Давно не виделись, – сказал я себе с обескураженной усмешкой.

– Тебе не скучно? – спросила Лина из соседней комнаты, таинственно шурша там какими-то замечательными тканями, может нейлонами и шелками. – По-моему, ты разговариваешь сам с собой. Мы дома одни.

Наконец, она выплыла ко мне, и я на мгновение усомнился: неужели я, Нестор Северов, сейчас пойду по городу, на глазах у восхищённых людей рядом с этой ослепительной девушкой. Затем себе возразил: «А почему бы и нет? Вот именно: я – Нестор Северов, без пяти минут аспирант! Чёрт возьми, истинно талантливому учёному и положена такая супруга, прекрасная, как Лина. И за чем дело? Сдам экзамен и женюсь. Заберу её из станицы, пусть работает в городской школе».

Внизу, в подъезде, мы встретили дородную даму в шляпке и несколько старомодном длинном платье. Я узнал примадонну из театра музыкальной комедии – бессменную Сильву и Марицу.

– Тётя, знакомся: тот самый Нестор Северов! Как все говорят, будущий академик. – Вот так она тогда сказала, а я, болван, принял её слова за чистую монету.

– Но к этому времени вам следует прибавить в росте. Сан-

тиметров этак на тридцать, тридцать пять. Нарастить грудь и плечи. Заматереть! Академик, юноша, внушительен, точно оперный бас! – заключила примадонна, меряя меня взглядом на манер портнихи.

– Тётя, вспомни, каким был Наполеон. Наверное, не выше Нестора, ну разве что полней, но поправимо и это. Он женится, и его откормят не хуже Наполеона, – заступилась Лина, несомненно мысленно смеясь надо мной, считая меня полным ничтожеством.

Но примадонна, видать, не любила проигрывать, в спину нам донеслось:

– Ваш Наполеон ни в жизнь бы не взял верхнее «до»! Как ни старался. Вот так-то!

* * *

Но теперь-то мне известна подлинная цена её улыбке и её словам. И я убрал фото в ящик стола. Подумал и перевернул вниз лицом. Незачем себя терзать каждый раз, когда лезешь в стол.

Что ж, пусть Лина упивается своей аспирантурой. Она это заслужила, иначе бы её не взял Волосюк. «А я, червь ничтожный, буду каждый день ползать в школу и мучить себя и детей», – подумал я с мазохистским налётом.

В школе меня непременно наградят кличкой. Вероятно, нарекут «рыжим». Постепенно мной овладело веселье само-

убийцы.

А ночью мне приснилось, будто я и впрямь решил повеситься на крючке. (Как же я не догадался раньше, в яви, это же коронный номер неудачника: яд, петля и харакири.) И будто бы в моём кармане лежало письмо, короткое и всепрощающее, но должное вызвать горькое раскаяние у Лины и Волосюка. Причём я был не один – в компании таких же висельников из шести мужчин, словно нас собрали на особый сеанс. И вот мы стоим в спортивном зале, рядом со шведской стенкой и, задрав подбородки к потолку, разглядываем стальной крюк, предназначенный для гимнастического каната, но сейчас он гол, гостеприимно ждёт нашей верёвки.

– Ну, учитель, учи, как пользоваться этой штуковиной. Мы все в первый раз и, надо полагать, последний, – торжественно предлагает один из моих товарищей по суициду.

– Учитель-мучитель, – печально шутит второй.

Мне уже откуда-то известно: они – мой класс, а я – их учитель. И я начинаю урок:

– Крюк – одно из великих изобретений дерзновенной человеческой мысли, наряду с колесом и порохом. Он состоит из стержня и собственно изогнутого жала. Именно за него покидающий этот бранный мир и цепляет свою верёвку. Или прочный шнур, что кому больше по вкусу. Вот и всё на сегодня, а может и навсегда. Я тоже новичок, у меня дебют, как и у вас.

– И это действительно всё? А я-то думал, – разочарованно

тянет третий. – А мне сказали: «Нестор Петрович вам покажет всё. Он – дока!» – передразнивает он кого-то, неизвестного мне. – И показали! Спасибо!

– Нестор Петрович! Вешаться так вешаться, не вешаться так не вешаться, нечего разводить бодягу, – раздражается четвёртый, тучный, мужчина...

У самого нет шеи – голова лежит прямо на плечах, как шар. Тройной подбородок сразу перетекает в грудь. «Да и какой крюк выдержит эту тушу?» – спрашиваю я себя.

Их бесцеремонность меня уже коробит. Я для них всего лишь школьный учитель, – и какой со мной разговор? – а будь я хотя бы для начала аспирантом, они бы мне пели хвалебные гимны. И пятый, подтверждая мой невесёлый вывод, начинает капризничать:

– Нестор Петрович, мне не нравится этот крюк, какой-то он несовременный. Я вешаться на таком не намерен. Хочу модный крюк!

В это время кто-то пробежал за окном и на ходу громогласно извещил:

– В универмаге выбросили импортные электробритвы!

Толкаясь и пытаясь, мои ученики вываливаются вон из зала. «Вернитесь! Урок ещё не закончен!» – кричу я истошно и, обгоняя собственные вопли и свой класс, первым влетаю в универмаг.

– Только что взяли последнюю, – говорит продавец, опережая мой вопрос.

– Безобразие! Дайте жалобную книгу! – требует жирный самоубийца.

Продавец насмешливо подмигивает и превращается в Лину. Рядом с ней, будто материализовавшись из воздуха, возник обескураженный Волосюк.

– Да, да, Нестор Северов, уже всё продано. Так получилось. Постфактум и де-факто, так сказать, – тяжело вздыхает профессор.

– Ладно, я привык, можете измываться, – иронически улыбаюсь я.

С этой же иронической улыбкой я проснулся, умылся, поел и вышел на улицу.

– Дядя Нестор! – зовёт пятилетний сосед Федяша и машет ручонкой.

Я осторожно машу ему в ответ, стараясь не расплескать свою улыбку. Она пока моё единственное утешение и защита.

– Алло, Северов!

Это подал голос отставник Маркин. Он за своей оградой копается в земле. Отставник – карапуз; не представляю, как его слушался целый полк. Во всяком случае, я почти такого же роста и поэтому испытываю к нему нечто, похожее на родственное чувство. Маркин жмурится на солнце, поправляет завязанный на голове носовой платок. Узлы платка торчат, будто рожки. Ни дать ни взять – толстый добродушный чёрт.

– Как поживают шахматешки?

Маркин намекает на очередную партию. Предыдущую он проиграл с треском и не успокоится до тех пор, пока не возьмёт реванш.

– Так как же? Может, сегодня?

Если раскрою рот, пропадёт улыбка. Я в затруднительном положении. И всё же мои губы с великим трудом разжимаются, образуя узкую щель, и я из себя выдавливаю:

– Сегодня я буду занят.

Покуда Маркин вникает в мой ответ, ищет в нём потаённый смысл, я бережно несу улыбку дальше по нашему переулку. Возле третьей по счёту калитки старик Ипполитыч выговаривает прохожему.

– Вот вы! Проходите и не здороваетесь? – укоряет он мужчину в светло-сером костюме.

– Но мы ведь незнакомы, абсолютно! – озадаченно оправдывается мужчина. – Я не знаю вас, вы – меня.

– Это всего лишь формальности. Главное: мы все люди. Один биологический вид. Человек сапиенс! И следовательно, родня!

Старику уже за девяносто. В хорошую погоду его близкие выносят за калитку стул, и дед, накрыв колени лёгким одеялом, сидит на улице и здоровается с каждым прохожим. Это его последняя работа, её он себе назначил сам. Моё спасение – он сейчас занят, и я проношу мимо свою спасительную улыбку.

Так с улыбкой, наверно кажущейся со стороны идиотской,

я и вхожу в приёмную горono. Она оповещает и секретаршу, и всех ожидающих приёма: «Ну, братцы педагоги, радуйтесь! В нашем полку прибыло!»

– Видимо, вы из тех, кого считают везунками, – сказал заведующий горono, когда подошла моя очередь. Я думал, он издевается надо мной, а он продолжал: – Вакансий у нас ноль! В городе переизбыток педагогов, безработные занимают очередь. Ждут! Но вам повезло. Сегодня в двенадцатую вечернюю школу потребовали историка. Срочно! Вечером на первые уроки.

И это он называет везением? Да мне безразлично, где коптить небо – в городской школе или сельской, в обычной дневной или вечерней. Стоп! Сегодня ночью у меня уже были взрослые ученики – шутница-судьба не промахнулась, сон оказался в руку!

А завгорono повёл речь о задачах учителя. Наверно, так было положено – наставлять новичков. Он уткнулся взглядом в письменный стол и монотонно бубнил прописные истины, словно размазывал по тарелке невкусную жидкую кашу, так малыш оттягивает начало малоприятной трапезы.

– В общем, педагогика требует к себе добросовестного отношения. Так-с, что ещё? Ребятишек нужно любить. В вечерней особенные ребятишки.

Он сказал «ребятишки», и его голос потеплел. Он поднял глаза, голубые, круглые, жалобные, – заведующему до смерти самому хочется в школу. Я это понял сразу, но не разде-

лил с ним его собачей тоски.

* * *

А я между тем уже работал в школе, да, да, был такой эпизод в моей пока небогатой биографии. Тогда всё прошло, как положено: я давал уроки, занимался классным руководством, даже провёл родительское собрание, и случилось это на последней практике, незадолго до выпуска, и длилось два месяца, показавшихся мне целой вечностью. Сколько времени с тех пор утекло в реке по имени Лета, но я, вопреки утверждению великого Гераклита, вхожу и вхожу в одну и ту же проточную воду. Уже в который раз в канун практики меня останавливает в институтском коридоре Ольга Захаровна Машкова, назначенная куратором нашей группы, останавливает и говорит:

Северов! Как вам известно, завтра у нас начинается практика. Я сочла необходимым вас предупредить: лично к вам я буду особенно строга. Наверно, вы неприятно удивлены? Объясняю: до меня дошли слухи, будто вы мой любимчик. И словно бы я вас выделяю среди своих студентов, захваливаю, ставлю завышенные оценки. Но это не так, и вы знаете сами. У меня никогда не было избранных, на моих семинарах, экзаменах все студенты равны. И тем не менее, дабы лишить сплетников пищи, я буду к вам не только строга, более того, я буду к вам придирааться, ловить на мелочах! Держитесь!

Ольга Захаровна читала нам курс средневековой Европы, и многолетнее общение с той суровой эпохой наложило на неё свой отпечаток – в Машковой было нечто от норманнских женщин времён Эрика Рыжего. Казалось, если понадобится, она, так же как и его сводная дочь Фрейдис, оголив левую грудь, кинется с мечом на врагов, наводя на них мистический ужас. А сейчас, как ей почудилось, на её светлое честное имя бросили мрачную тень. Не представляю, кто сочинил эту сплетню, если сочинил на самом деле. Что касается меня, лично я не только прилежно учил её предмет, но и кое-что почитывал сверх институтской программы, на семинарах заводил с преподавателем спор, загадочный для других студентов, и таким образом выделял себя сам, без вмешательства Машковой. Мои однокурсники это осознавали и принимали как должное: если Северову ставят «отлично», значит, он это заслужил. Но, видимо, кто-то не справился со своей вечно обозлённой завистью, а может, ему по собственной инициативе захотелось доставить ближнему пакость, и негодник запулил в студенческие массы лживый слухок, хотя я сам о нём не слышал ни слова. И он, слухок, помойной мухой вился вокруг Машковой и назудел ей эту пакость в ухо, та поверила и приняла близко к сердцу, и теперь успех моей практики повис и закачался на тоненьком волоске.

– Спасибо за откровенность, но я, извините за дерзость, не дам повода для придинок! Постараюсь не дать, – ответил я, бодрясь и скрывая тревогу.

На твёрдом, будто вырубленном из скандинавского валуна лице Машковой, с волевыми складками возле резко очерченных губ, в тёмных горящих глазах со скоростью машин промелькнуло одобрение – ей понравился мой ответ.

– Я принимаю ваш вызов, студент Северов! – сказала она, не поймёшь, в шутку или всерьёз, и удалилась с боевито вскинутой головой.

Практика началась, как в театре, с распределения ролей. Мы во главе с Машковой собрались в кабинете директора школы. Нас, практикантов, было шестеро: два парня и четыре девицы. Дележом занималась местный завуч, женщина средних лет, но, видать, с уже расшатанными нервами, её руки как бы автономно от хозяйки, занятой практикантами, сновали по столу, хватая лежавшие на столешнице предметы – карандаши, канцелярские скрепки и листки бумаги. Я будто бы ненароком уронил двадцатикопеечную монетку, поднял с пола и положил на стол под руки завучу. Те тотчас схватили двугривенный, сунули в карман жакета и умиротворённо затихли.

– Начнём с самого трудного класса, девятого «А», – сказала завуч, выслушав вступление Машковой. – Он – наша боль, зубная, печёночная, головная, для кого как. В этом классе учатся, если сей термин к ним применим, три несовершеннолетних уголовника. Да, да, они – уголовники не в переносном, в юридическом значении этого слова. Главарь этой шайки Фёдоров осуждён за грабёж, но, к сожалению, условно.

Ибрагимов и Саленко всё ещё под следствием, однако приговор ни у кого не вызывает сомнений и, увы, тоже условный. Им место за надёжной решёткой, но пока мы из-за этой троицы льём на уроках кровавые слёзы. И такую банду не выставишь за порог, не даёт закон, сами понимаете, – всеобщее среднее образование! Словом, практика в этом классе будет, мягко говоря, нелёгкой. Поэтому я советую направить в девятый «А» мужчину. Скажем, вас, молодой человек, – обратилась она к нашему однокурснику Василию Пастухову, а если точно, к большим кистям его рук, лежавшим на столе уверенно и мощно, утверждающим Васину уверенность в себе и достаточную физическую силу. А довершали эту впечатляющую картину голубоватый якорь, наколотый возле большого пальца правой руки, и синие волны тельняшки, видные в распахнутом вороте сорочки.

Завуч попала в цель – кандидатура была великолепна! Пастухов отслужил свой призыв на военном флоте, однажды зашёл на своём эсминце в какой-то греческий порт, там закусывал водку устрицами, экзотической для нас в ту пору снедью, и теперь мечтал повторить подвиг Макаренко, обращая преступных малолеток в честных людей. И вот теперь эта благородная работа сама лезла в крепкие Васиные руки.

– Лады! – коротко и солидно ответил Василий.

Море на его груди, как и все моря мира, спокойное с виду, таило в своих глубинах грозную мощь.

– В девятый «А» отправится Северов! – безжалостно воз-

разила Машкова, нанося первый удар по мифическим сплетникам и заодно разрушая сложившийся было воспитательный тандем из завуча и Пастухова. Утешая обиженную завучиху, она без малейшего намёка на юмор добавила:

– Он тоже мужчина! – Я то есть.

Когда мы потом вышли в коридор, Ольга Кузьминична обратилась ко мне, наверное, со странным для других вопросом:

– Северов, а дать более вы поскупились?

Выходит, она не только заметила, но разгадала мой манёвр с монетой. Я попытался отшутиться:

– Я решил их не баловать, и, как видите, её пальцы удовлетворились и этим.

Но я зря изощрялся, – ничего не сказав, Машкова повернулась и пошла в учительскую.

На следующий день я предстал перед своим девятым «А». Меня, точно идущего на эшафот английского Карла Первого, сопровождал конвой практикантов под капитанством Ольги Захаровны Машковой. Классручка девятого «А», изнурённая неустанный борьбой со своими злокозненными питомцами и потому потерявшая цвет лица и возраст, со смесью злорадства – «теперь вы узнаете, что это такое!» – и сострадания – «бедный вы, бедный!» – отрекомендовала меня ученикам. Сбагрив этот груз, пусть и на время, она чуть ли не с танцами и пением выпорхнула за дверь, а я остался на авансцене. Мои однокурсники и куратор, рассевишиеся

на задних партах, словно на галёрке, с интересом следили за начинающимся спектаклем. Впрочем, лицо Машковой было бесстрастно, точно не по её милости я попал на этот помост.

Урок шёл, а я по-прежнему стоял за учительским столом, шарил взглядом по классу, пытался вычислить трёх моих будущих губителей. Но лица учеников (девочки не в счёт!) ничем не выдавали пагубной склонности к грабёжам и убийствам – нормальные миролюбивые лица. И вон та физиономия, и вторая, и десятая... Ну, не этот же белокурый да синеглазый ангелочек, сидящий за первой партой?! Мой взгляд побежал дальше и с разбега ударился о не по возрасту длинного и худого ученика с остриженной под нулёвку головой, словно бы уже готовой для тюремной камеры. Его сосед был не по годам широкоплеч, почти квадратен, на лбу чёрная чёлка. С такими чёлками расхаживали урки на узких и кривых улицах моего детства, они источали флюиды опасности и, пугая мирных жителей, цыкали через выбитый зуб. Тёмно-синяя ученическая форма на этой выразительной парочке и та казалась снятой с чужого плеча. Длинный и квадратный встретили мой взгляд с наглой усмешкой: ну-ну, пялся, пялся, фраер, поглядим, как ты справишься с нами. Итак, двое из этой шайки себя выдали сами. Оставалось вычислить третьего. Чутьё мне подсказывало: он-то и есть главарь Фёдоров. Однако на его поиски уже не было времени – об этом мне жестоко напомнила Машкова:

– Нестор Петрович, урок идёт!

Её выпад был неэтичен – негоже делать замечание педагогу в присутствии его учеников, это неудовольствие следовало отложить до разбора урока и там уж всыпать от всей изболевшейся души. Но, видать, она следовала своему девизу: придирайтесь так придирайтесь, прессинговать практиканта Северова на каждом шагу: «Да видят мои недоброжелатели: я к нему ох как строга!»

– Обо мне вы уже имеете некоторое представление. Теперь моя очередь – удовлетворить своё жадное любопытство: кто из вас кто, – сказал я классу, с трудом натягивая на непослушные губы, надеюсь, непринуждённую лукавую улыбку, и затем, открыв журнал, произвёл перекличку:

– Анастасов!

– Я!

– Бисерова!

– Я!

А вот и один из них! На фамилию Ибрагимов откликнулся крепыш с уркаганской чёлкой. Он даже не соизволил оторвать зад от парты, так, сидя, и протянул лениво:

– Ну я. Ну и что?

– У нас, Ибрагимов, между прочим, перекличка, – напомнил я с миролюбивой улыбкой, обращая малоприятный эпизод в забавный казус: вот, мол, отвлёкся ученик и не заметил, что происходит в классе.

– Ну, ну, – пробормотал крепыш, будто поощряя моё занятие.

Мне бы его поднять с места и задать основательную трёпку, но я, и сам не зная почему, спустил ему это с рук и поехал по списку дальше, лишь мельком подумал: «Второй или Саленко, или сам Фёдоров».

– Сачкова!

– Я! – чуть не взлетев над партой, пискнула маленькая ученица.

Со следующей фамилией меня опередили, не дав открыть рта, долговязый, стриженный наголо добродушно промычал:

– Я тоже.

– В каком смысле? Вы тоже Сачков? – спросил я наивно и на всякий случай заглянул в список.

Но ошибки не было: в списке Сачкова обретала в единственном числе, а следом за ней там значился Саленко. И это подтвердил он сам, наслаждаясь моей растерянностью:

– Я тоже в смысле Саленко.

И я понял суть его первой реплики: «Я тоже из шайки, как и мой сосед Ибрагимов». Вот что мне сообщал долговязый. Он шевельнулся, будто произвёл попытку подняться из-за парты, однако у него будто бы не хватило сил, и он, утомлённый науками, прилип к скамье.

Я оставил без последствий и это хамство, решив не обострять отношений сразу же, на первом уроке, и сначала приглядеться к врагам. К тому же впереди меня ждал самый опасный – грабитель Фёдоров! И вот мой палец добрался до его строчки.

– Фёдоров! – Мне показалось, будто я это выдавил шёпотом, почти беззвучно.

Но меня слышали!

– Фёдоров я, – произнёс кроткий голос.

Какой цинизм! Предводитель шайки окопался на первой парте, в среднем ряду, перед носом учителя, здесь обычно сживают отличники и вообще примерные ученики. И сам его внешний вид был верхом коварства – этакий аккуратненький, даже хрупкий подросток с большой белокурой головой на тонкой трогательной шее. Именно этого ученика я мысленно называл ангелом. Его голубые чистые глаза излучали непорочный свет, такой, наверное, стоял над землёй до появления первородного греха. Если верить авторам детективных романов, именно за столь обманчивой внешнеостью будто бы скрываются преступники, склонные к самому изощрённому садизму.

– Очень приятно. Можете сесть, – промямлил я, словно он меня втянул в игру, где я вынужден исполнять роль простака.

– Спасибо! – вежливо, даже изысканно вежливо ответил Фёдоров и с показательным послушанием опустил за парту.

По классу прошелестел общий смешок, и я понял: да, он издевался надо мной.

Покончив с перекличкой, я перешёл к очередному этапу урока – опросу, к доске вызывал учеников безопасных, уго-

ловников не трогал, не хотел провоцировать, а ну-ка начнут дерзить, не соглашаясь с отметкой. Тогда у меня не останется иного выбора, как ввязаться в бой. Я им слово, они в ответ десять – и, считай, сорван урок. И Фёдоров, усугубляя мою тревогу, послал на заднюю парту, своим «шестёркам», сложенный вчетверо тетрадный листок. Главарь отдавал какое-то указание своей шайке! Как у них это называется? Кажется, малявой.

Однако уголовники весь урок, не считая его смазанного начала, были благодущны, напоминая сытых хищников, отдыхающих на траве, в саванне, – тот же полусонный прищур. Лишь иногда Ибрагимов и Саленко вяло толкались локтями – играли, – да, встречаясь со мною взглядом, понимающе усмехались: боишься? И правильно – бойся! А Фёдоров и вовсе ничем не выдавал себя – был тих.

После уроков мы остались в учительской, и Машкова подвела итоги первого дня. Она была беспощадна к нашим малейшим промашкам, а более всего досталось мне. Ольга Захаровна въедливо выискивала мои ошибки: то я сделал не так, это не этак, а главное, был излишне напряжён – обезьяны в зоопарках и те с меньшим тщанием копаются в шкуре своих сородичей при ловле блох. И такое будет повторяться в конце каждого дня.

В общем, закрутилось-завертелось карусельное колесо моей практики. Я с сабелькой-указкой в правой руке восседал на коне из папье-маше, а мимо проносились дни-близ-

нецы. Приходя в класс, я сразу искал взглядом своих потенциальных врагов, с надеждой: авось сегодня они пропустят школу. Нет, я никому из них не желал ни болезней, ни иных напастей, но что им стоило прогулять хотя бы один урок, мой, – для них удовольствие, а мне день спокойной жизни. Но они исправно – тоже нашлись образчики дисциплины! – являлись к началу занятий, словно им больше нечего было делать на их преступной стезе. Они сидели в классе, и я придерживался тактики, невольно избранной на первом уроке, – на опросах как бы обходил их стороной. Так было и на втором, и на третьем, и ещё на... на... уроках. Точно они сидели за партой в качестве неких вольных слушателей. И, что удивительно, уголовники пока вели себя относительно сносно. Будто мы заключили негласное соглашение: я не беспокоил их, а те мне не мешали вести урок. Ибрагимов и Саленко ограничивались ироническими ухмылками и фамильярным подмигиванием: молоток, фраер, ты всё правильно понимаешь, дуй в том же духе. Их кукловод Фёдоров вёл всё ту же тонкую и непонятную мне линию – ну прямо-таки идеал дисциплинированного поведения, никак не меньше! Я ловчил, лавировал между Сциллой и Харибдой. Сцилла – злыдни, от кого во многом зависела моя практика, Харибда – та, кто оценивал её. Она следила за каждым моим движением на уроке и что-то без устали заносила в свой блокнот.

Я пролавировал туда-суда целый месяц, успев опросить весь класс – кого дважды, а кого-то и в третий раз, и выста-

вить каждому оценку, а журнальные клеточки уголовников зияли девственной белизной. Но перемирие не могло длиться бесконечно, хотя время, если верить Эйнштейну, при желании может тянуться подобно резине. Я понимал: пробьёт час – и мне придётся бросить перчатку к ногам врага.

Казачий сигнал «в лапу!» мне протрубила здешняя историчка, чью роль сейчас мы, практиканты, играли сообща, – каждый в своём классе, – были её коллективным двойником. Она подступила ко мне с распахнутым журналом девятого «А» и выбрала для этого момент, хуже не придумаешь – рядом со мной, а дело было в учительской, стояла Машкова. Мы обсуждали новую статью об Уоте Тайлере, опубликованную в «Вопросах истории», и тут-то она ко мне подошла и выложила своё недовольство: «Нестор Петрович, вы меня загоняете в аховское положение! – Она ткнула сухим перстом в журнал. – Минул месяц, у Фёдорова, Ибрагимова и Саленко ни единой отметки! Спрашивается: что я им выведу за четверть? Из чего?» «Я тоже на это обратила внимание, – бесстрастно поддакнула Ольга Кузьминична, – и занесла вам в минус. Нестор Петрович, может, вы их боитесь?» «Ну что вы, Ольга Захаровна?! Волков бояться, так сказать, не работать в школе! Видите ли, на этих учениках я шлифую свой психологический метод. Я в поиске, коллеги! – солгал я, чувствуя, как зажглись мои щёки. – Сейчас они нервничают, стараясь понять: почему я их не вызываю и что это значит. И теперь, именно со следующего урока, – представляете, ка-

кое совпадение? – я начинаю отстрел, опросами, конечно. Бах! Извольте к доске! И так почти каждый урок. К завершению четверти я вам вручаю ягдташ, набитый их отметками!» «Можно и неполный, – смилостивилась историчка, – и не подстрелите кого-нибудь по ошибке!» Гранитное лицо Машковой осталось непроницаемым – поди угадай, как она отнеслась к моему бахвальству.

«А чего ты боишься? – спросил я, дискутируя с самим собой перед сном, лёжа в постели. – Ну, сорвут тебе урок, и все оставшиеся уроки. Ну, поставит Ольга тебе нечто нелестное, но практику-то, надеюсь, зачтёт. А большего и не надо. Учительство тебе ни к чему, всё равно ты намерен заняться наукой. Зато восторжествует справедливость – доколе это хулиганье будет оставаться безнаказанным, да ещё пользоваться этим. Злоупотреблять! А ты сам сбросишь бремя цепей! Избавишься наконец от унижительной зависимости, и от кого? От шайки каких-то малолетних преступников. Да здравствует свобода!»

И я заснул воином, готовым на другой день вступить в бой за справедливость и свободу.

И всё же на уроке я не был столь бесшабашен, как ночью, и мишенью для первого выстрела избрал Саленко, казавшегося мне противником менее грозным. Он был примитивней своих сообщников и не столь агрессивен – без команды «фас!» сам не вцепится в глотку, такое у меня о нём сложилось впечатление. И вопрос я, страхуюсь, подобрал попроще,

на такой, по моим расчётам, не ответит только законченный дурак. Тот, кто чуток поумней, должен вытянуть хотя бы на тройку.

И я, начиная опрос, сделал глубокий вздох и пальнул:

– На этот вопрос нам ответит Саленко!

– Я? – искренне удивился длинный и стриженный наголо.

– Именно вы! Или у нас есть второй Саленко? – съязвил я, храбрясь.

– Иди, иди, – развеселился Ибрагимов и слегка шлёпнул приятеля по затылку. – Тебя просит учитель. – А мне послал заговорщицкую улыбку: мол, хохма – высший класс!

– Ну, раз без меня не обойтись... – Саленко тоже включился в предполагаемую игру.

Он выбрался из-за парты и, кривляясь, строя рожи классу, вышел к доске.

– И чё? – спросил Саленко, готовясь к занимательному продолжению.

Я, не привередничая, повторил вопрос.

– Так я ж не учил! – радостно известил долговязый, предлагая и мне разделить его восторг.

– Жаль, что не учили. Я вынужден!.. Слышите, Саленко? Я вынужден вам поставить двойку! – рубанул я и машинально принял боксёрскую стойку, собираясь отразить удар.

– Ну да? – не поверил Саленко. – Настоящую двойку?

– Самую! Крупную жирную цифру «два», похожую на шахматного коня. Или морского конька, как вам больше нра-

вится! – подтвердил я, отрезая себе все пути к отступлению, вплоть до последних спасительных тропинок. – Возвращайтесь на место!

– Вы даёте, – недоуменно пробормотал Саленко и, продолжая изумляться, при ошеломлённом молчании класса вернулся за свою парту.

Ибрагимов встретил приятеля бурным весельем:

– Атас, Сало? Схлопотал? Дай пять! – и протянул ему короткую, словно обрубленную, ладонь, а Саленко нехотя мазнул по ладони своей пятернёй.

– Что ж, тогда наше любопытство удовлетворит Ибрагимов! – вмешался я в эту почти семейную сценку.

Он явно такого не ожидал, себя-то считал неприкасаемым и потому долго вникал в мой текст. Зато Саленко брал реванш:

– Чего сидишь? Валяй, Брага, не дрейфь! – От возбуждения он даже зашепелявил.

– Да, мы ждём! – напомнил я, кому-то могло показаться, виновато.

– Вы же знаете: я не учил, – сказал Ибрагимов, нахмурясь.

– Ошибаетесь! Я этого не знал. Мог только предполагать, но надеялся на обратное. Я, Ибрагимов, верю в людей, верил и в вас, – пояснил я не совсем уверенно.

– Ладно, ставьте пару, – угрюмо согласился крепыш.

– И я ставлю! – сказал я, утверждая свою независимость.

Третий кандидат напрашивался сам собой, другого сейчас

не было и не могло быть. Начинался последний и решительный бой, и я ринулся в него очертя голову.

– Фёдоров! Может, вы удачливей своих товарищей? Попробуйте дерзнуть! Или слабо?

– Я попробую, – согласился ангелочек, ничем не выдав своих чувств, и спокойно вышел к доске.

Он обстоятельно поведал и мне, и классу о Пугачёве, а упомянув его родимую станицу Зимовейскую, главарь шайки показал её местонахождение на карте и по собственному почину добавил: мол, оттуда же родом и Разин Степан – вот он какой, этот населённый пункт!

Фёдоров ответил на «пять», но я уже вышел на тропу войны и, осмелев, мстил за свои унижения, да и как поставишь пятёрку грабителю, пусть он её и законно заработал, такое психологически было просто невозможно – нет, у меня не поднялась рука, и я вывел ему «четыре» и был, конечно, не прав. Однако Фёдоров принял эту очевидную несправедливость с кротостью ягнёнка, обречённого на заклятие, безропотно сел за парту, даже одарил меня милой улыбкой, а за ней, разумеется, таился сам сатана.

Итак, я их вызвал! И при этом уцелел в классе пол, они не разнесли на куски его стены и не тронули меня самого. Я застал их врасплох – уголовники, уверенные в своём психологическом господстве над учителем, не были готовы к моему внезапному налёту, моя казачья лава – слышите, уважаемая историчка? – с гиком и свистом смяла их редут.

Но к очередному уроку они встряхнутся от полученной трёпки (почему-то я рисовал в своём воображении вылезших из воды молодых собак, те выбрались на сушу и теперь, наверно, отряхиваются, рассыпая тучи брызг) и, придя в себя и разозлясь, превратят эти сорок пять минут мирной жизни в кромешный ад. Но отступить было некуда – в школу я пришёл, опустив воображаемое забрало и выставив такое же воображаемое копье, и второй наш турнир закончился с тем же счётом: две двойки и одна четвёрка. А мой боевой запал остался не востребованным – уголовники приняли плохие отметки как должное, молча, не выказав ожидаемых эмоций.

– Не отчаивайтесь! Как известно, нет худа без добра, – напомнил я двоечникам известную поговорку. – Чем хороша двойка? Её можно исправить! И я вам завтра же, так и быть, предоставляю такую возможность, снова вызову к доске, – пообещал я, вдохновлённый новым успехом.

И на обещанном уроке Ибрагимов и Саленко, мыча и потирая лбы, кое-как выкарабкались на тройки. То же самое повторилось на этой неделе ещё и ещё, пополняя ягдташ дичью, обещанной историчке. Не допекали они меня с дисциплиной. Случались, конечно, мелкие огрехи, – всё-таки дети! – и я безбоязненно покрикивал на них, и они умолкали. А глядя на примерное поведение Фёдорова, мне и вовсе хотелось рыдать от умиления, и я бы, наверное, не удержался от скупой мужской слезы, не знай, кто кроется за этой личи-

ной. Не было у него изъязнов и в учёбе, по крайней мере по моему предмету, уж я ловил его и так, и этак, и после двух четвёрок сдался – всё-таки поставил Фёдорову пятёрку. Если уж быть объективным, а я всегда к этому стремился, – правда, не всегда это получалось, – он её заслужил терпением и упорством.

Однако я не спешил разоружаться и на каждом уроке был готов ко всему. Мне не давал покоя вопрос: чем объяснить это стремительное превращение из шпаны во вполне нормальных школьников? Что могло столь мощно и быстродейственно повлиять на их уголовный мозг? Моя экзекуция в виде плохих оценок? Но они хлебали двойки да единицы столовыми ложками и до меня, а по другим предметам хлебают и по сей день – им не привыкать. И может, нет никакой перемены, её видимость – всего лишь продолжение игры? Им хочется довести меня до полного педагогического восторга, а потом внезапно нанести удар и поизмываться всласть. Но пока мои уголовники ничем не выдавали своих потаённых намерений, существуй те в природе, – ни нечаянно вырвавшимся словом, ни опрометчивым взглядом. Возможно, мне всё-таки удалось их сломить, своего неприятеля, а как – я не заметил сам, вот и объяснение этой метаморфозы.

И что было уже совершенно поразительным: уголовники свои обрётённые добродетели начали являть во всей неожиданной красе и на уроках у других школьных педагогов. Теперь я за этих ребят не краснел, и будучи их классным руко-

водителем – не забудем, Машкова следила и за такой моей ипостасью и тоже что-то отмечала в своём блокноте. Удивительные превращения с, казалось, неисправимыми учениками произвели на учительскую ошеломляющее впечатление. За моей спиной говорили: «Фантастика! Мы с этими оторви да брось мучились годами и никак не могли с ними сладить! Не помогали ни кнут, ни пряник. А этот студент их обуздал за один – и всего-то! – единственный месяц!»

Василий Пастухов ходил за мной в кильватере, а если сухопутному, по пятам, сидя на моих уроках, вникал в слова и жесты, и однажды перешёл к действиям – оттёр меня к окну учительской; я, открыв блокнот, взяв на изготовку авторучку, произнёс: «Слушай, юнга, не пора ли поделиться с товарищами?» – «Ты о чём?» Я не хитрил, я действительно не понял его. «Не темни! Говорят, ты разработал особую систему, где всё по полкам. Да я и сам не слепой, не глухой. Ну-ка выкладывай, как у тебя это получилось – взял и образумил своих рецидивистов. Словом, методы, расчёты, подходы?» – «Я и сам хотел бы это знать», – ответил я с улыбкой. «Север, я ведь к тебе серьёзно. Детская преступность распухает, вот-вот и полезет через край, она их затягивает в трясины, слабые детские души. Ты читал, конечно: есть сигнал: „Спасите наши души!“ – так это они, и они обращаются к нам. Помолчи три минуты, и ты услышишь. Короче: мы должны собрать всё передовое, в том числе и твоё. Так что не жмись!» – призывал бывший моряк, истолковав мой ответ как неуместную

шутку и желая меня образумить. «Вася, если честно, я и сам не понимаю, как у меня это получилось», – признался я действительно честно. «Так не бывает, – рассудительно возразил Пастухов. – Вспомни: ты что-то прикидывал, ложил на весы, составил план». «В том-то и дело! Ничего я специально не придумывал, не взвешивал на весах, да их и нет у меня. Всё вышло само собой», – сказал я, сам удивляясь этой удаче. На его тельняшке дрогнули синие полосы, началось волнение балла в два, – так мне показалось, – сурово сжался Васин тонкогубый волевой рот. «Понимаю, – задумчиво пробормотал мой однокурсник. – Не просто расстаться вот так сразу с тем, чем обладаешь, чему ты сам хозяин. И всё-таки подумай: наше дело общее! Только тогда, понимаешь?» Он сжал пальцы в бронебойный кулак, изобразив единство и мощь педагогических сил, и потряс им перед своим лицом.

А что же Машкова? Она помалкивала, словно не замечая моих достижений, как и прежде, держала сплетников на голодном пайке, не сбавляя своих придилок, будто я из её любимчика и вовсе превратился в злейшего врага. Предполагаемые сплетники недоумевали и в кулуарах у меня скрашивали: «За что она тебя так? Чем ты ей насолил?» «Я не солил, не перчил, не подкладывал горчицу. Ольга Захаровна – человек принципов, только и всего», – отвечал я уклончиво.

Машкова в этой своей строгости была одинока, почти сирота, для остальных в учительской я стал подобием педагогического вундеркинда – меня показывали, и первой ко

мне направили инспекторшу детской комнаты. Та заглянула к своим подопечным – проверить: чего ещё они умудрились натворить, Фёдоров и его компания, и ей тотчас сказали: вы с ними возитесь всей вашей комнатой, и никакого проку, а к нам пришёл молодой, совсем молодой человек, сам почти ребёнок, и пожалуйста, – и поведали о моих подвигах и чудесном превращении гадких учеников. Блондинка в погонах старшего лейтенанта, не раздумывая, взяла меня, ну не в прямом, конечно, смысле, за грудки: «Гражданин Северов, нам такие люди нужны! Образованные, знакомые с психологией ребят. Закончишь институт, не тыркайся по сторонам, не ищи другое, ступай в наши органы. Хочешь, заранее организуем вызов, тебя направят к нам. Получишь звание и прочие льготы». Я поблагодарил за незаслуженное доверие и отказался: педагогика – не мой путь! «Оставим вопрос открытым. Время есть!» – сказала милицейская блондинка и ушла, оставив дверь в органы распахнутой настежь.

Потом кто-то из школьных, склонных к стенной и настоящей печати, написал в краевую молодёжную газету, и передо мной после уроков возникла журналистка. Она завела меня в ближайшее кафе и усадила за свободный стол. Я такими их, журналисток, и представлял: на лице лёгкие следы божьей жизни, короткая джинсовая юбка и маленькая сумка на длинном ремне. И конечно, в тонких пальцах зажжённая сигарета, на столе миниатюрная чашка кофе, красивая позолоченная зажигалка и, безусловно, изящный блокнотик

с изысканной авторучкой. Словом, внешность независимой девицы, а замашки ухаря-парня, говорят, такая в командировке с лесорубом или чабаном дёрнет сивухи, налитой в стеклянную банку из-под кабачков, и не моргнёт, только зажует осклизлым солёным огурцом и буднично молвит: «Так на чём мы остановились?» Эта явно вышла из девичьего возраста и потолще фигурой, на стол она выложила пачку дешёвых сигарет без фильтра и коробок спичек, вместо чашки обычный стакан, а само кафе оказалось пельменной – в остальном типичная журналистка, как я себе их рисовал. Она не стала со мной церемониться и сразу обратилась на «ты». Я подумал: «Хорошо это или плохо? Может, поставить на место?» Затем понял: мне это нравится, выходит, мы с ней свои люди. «Считай: ты в исповедальне, – начала она прокуренным голосом. – Итак, ты однажды проснулся и себе сказал: „Эврика! Когда я вырасту, стану учителем!“ Хорошо бы это с тобой случилось ещё в раннем детстве, ну если не в яслях, шучу, то в первом классе уж точно. И тебя подвигла твоя учительница, какая-нибудь Наталья Николаевна, нет, Наталья Николавна – супруга Пушкина, имя придумаем потом. Вдохновила своим самоотречением: всё для школы, ничего для себя! Вспомни парочку эпизодов. И второе: какие, по-твоему, проблемы ныне стоят перед современной школой. Свежий взгляд, так сказать, молодого педагога. Поехали! Я слушаю!» – и развернула большой потрёпанный блокнот. «Притормози! – сказал я. – Коль у нас исповедь, не хочу

обманывать ни твою газету, ни её читателей, ни лично тебя. У меня иные планы, и они никак, ну ни единым боком не связаны со школой. С детства, правда не совсем раннего, я обожал историю, читал романы, исторические разумеется, и даже взрослые монографии, и тогда же решил себя отдать этой науке, со всеми своими потрохами. И что интересно: живу этой целью и по сей день, закончу институт и сразу в аспирантуру. Меня там ждут! Без ложной скромности, я – надежда профессора Волосюка». «Жаль, – вздохнула журналистка. – Пропадает такой материал. Нам писали: у тебя педагогический дар. И я в голове уже продумала контуры очерка. Тебе только оставалось подтвердить! Может, передумаешь, а?» – «Вряд ли! А насчёт моего дара, не расстраивайся, думаю, он весьма преувеличен».

И всё же, наслушавшись похвал, я не выдержал и однажды себя спросил: «А может, они правы и ты впрямь наделён талантом? Этаким ключиком к людям. Не сами же исправились эти ребята? Верно? Им-то зачем? Они были собой довольны. Вот что, голубчик: разумеется, хорошо, что ты такой скромняга, это тебя, безусловно, украшает, но если рассудить здраво и по совести, сие чудо, чёртушка Нестор, сотворил ты! – сказал я себе ласково. – А если так, почему бы тебе и вправду не связать своё будущее со школой? Это знак судьбы! Она перевела для тебя стрелки на новый путь: отправляй свой поезд туда, машинист Северов, на станцию Школа! Вон он перед тобой, зелёный огонёк! А что касается

науки, ещё неизвестно: получится ли из тебя, Нестор, новый Нестор, твой тёзка, а здесь ты себя уже проявил, и настоящие педагоги, наверное, наперечёт, как и знаменитые учёные».

Практика в школе похожа на стипль-чез, бег со многими препятствиями. Последним из них и самым сложным было родительское собрание – высокий барьер, а за ним коварный ров с водой, с виду холодной и грязной. Я брал его, это препятствие, за день до финиша. Передо мной, за партами своих детей, расселись дяди и тёти, к ним и моим постоянным зрителям – практикантам и куратору – прибавилась директор школы – пришла полюбопытствовать на работу хвалёного вундеркинда. Я поведал мамам и папам о школьных деяниях их чад, уделив время каждому ученику. Когда настала очередь Фёдорова, я поинтересовался: здесь ли его мамаша? «Это я», – придушенно отозвалась маленькая, просто, если не бедно, одетая женщина. Фёдоров был похож на свою мать, только золото её волос изрядно потускнело, в синих глазах застыл страх: она ждала расправы. «Спасибо вам за такого сына», – произнёс я совершенно чистосердечно. «Я их расту одна. Ну что поделаешь, если он такой?» – пожаловалась Фёдорова, стараясь оправдаться. «Ваш сын хорошо учится. Активен на уроках, и я доволен его дисциплиной», – продолжал я, сдержав улыбку. А она гнула своё: «Он совсем не слушает. Весь в покойного отца». Директриса многозначительно покашляла, на что-то намекая. Но мне было некогда разгадывать шарады. «Словом, я вам искренне благода-

рен!» – закончил я, тоже стоя на своём. «Вы мне?» – наконец-то сообразила Фёдорова под хохот родителей и практикантов. «Вам, вам!» – подтвердил я, смеясь.

Дяди и тёти покинули класс, кажется, довольные практикантом, во всяком случае я им скучать не дал, а мы остались с Машковой, и она здесь же, на поле боя, провела разбор моих командных действий. Но прежде, перед тем как нас покинуть, директор школы, попросив у Машковой слово, напустилась на меня с упрёком: «Нестор Петрович, вы меня удивили, неприятно удивили! Я о вас чего только не наслушалась: вы и новый Ушинский, и новый Песталоцци. А вы нам подрываете всю нашу воспитательную работу! Мы с Фёдоровым боремся, а вы дезориентируете и самого ученика, и его мать! Теперь он вообразит, будто непогрешим, и теперь попробуй ему доказать обратное!» Высказавшись, она услышала мой твёрдый ответ: «Прошное Фёдорова осталось в прошлом. Речь шла о его настоящем. А сегодня Фёдоров таков. Он стремится к совершенству! Игнорировать это – сбивать его с верного пути! И я не Ушинский и Песталоцци, я – Северов», – добавил я застенчиво. За меня заступились практиканты, и только Машкова оставалась верной себе – обойдя по большой дуге проблему Фёдорова, она въедливо указала на мои огрехи: и характеристики ребят у меня не блистали глубиной, и я не проявил должной требовательности к их родителям, был мягкотел – моллюск без раковины, да и только. Но это сравнение за неё я придумал сам.

А на следующий день он наступил, долгожданный момент, – за стеной девятого «А», по коридорам школы бронзовыми ручьями разлился звонок, известивший о конце моего последнего урока, а вместе с ним и завершении самой практики. Но странно – меня в сердце укололо сожаление: я уже никогда не войду в этот класс, – именно в этот! – не войду с журналом и указкой, не скажу, встав за учительский стол: «Здравствуйте, друзья!.. Дежурный, кто у нас отсутствует сегодня?» И больше никого из них не вызову к доске: «На этот вопрос ответит Ибрагимов! Саленко, что ваша любознательность так пристально высматривает за окном? Всё самое интересное здесь, в нашем классе!» Теперь за меня делать это будут иные люди.

Остаток учебного дня я отсидел в гостях у своих однокурсников, на их уроках. Потом мы, как и в начале практики, снова обосновались в директорском кабинете, и Машкова, произведя анализ и синтез, – а может, порядок был обратным, сейчас не помню, – вынесла каждому вердикт – его итоговую отметку. Меня она приберегла на десерт. Норманнское её лицо побледнело, извещая о сильном внутреннем напряжении, тёмные глаза зажглись решимостью, и она выразилась так, сурово и непреклонно: «Возможно, кто-то сочтёт меня беспринципной и чересчур либеральной, однако я вынуждена, повторяю, вынуждена оценить практику студента Северова отметкой „отлично“, – И, помолчав, добавила: – Надеюсь, на этот раз её никто не назовёт завышенной».

Финита! Если проще: всё! Ступай, Нестор, куда пожелает твоя душа. Завтра снова ползти в институт, но сегодня ты свободен. Можешь профланировать мимо Линино дома, ну как бы между прочим, запретить тебе никто не посмеет – вольному воля! Но, прежде чем покинуть школу, я, пардон мадам, зашёл в мужской туалет. А там меня ждали – вся команда в полном составе. И более ни единого человечка – мы четверо, с глазу на глаз. И видать, они, изнывая от нетерпения, выкурили полную пачку – пол у их ног был густо усеян трупами сигарет.

Меня точно приподняли, основательно взболтали и поставили на пол, – со дна мутной взвесью поднялись мои давние, было улёгшиеся опасения, – эти трое ждали подходящего момента, и вот он наступил. А ради чего ещё им маяться, терпеть никак не меньше часа? Именно столько или более того мы отсидели в директорском кабинете. С каждым из них, по одиночке, авось я и управлюсь, но одолеть всю троицу скопом мне будет не по рукам. И сейчас из меня полетят пух и перья, словно из подушки, терзаемой в разгар погрома. Теперь я, лишённый учительской неприкосновенности, был перед ними беззащитен – обычный рядовой человек, что хочешь, то с ним и делай, если вас трое против одного.

– Что так долго? Мы тут офонарели, – грубо осведомился Фёдоров, и так ангелочек сбросил свою лживую маску.

– А зачем? Фонареть-то? – спросил я осторожно. – Вы же не фонарные столбы. Правда? Уроки закончились, и давно,

покурить можно и на улице, хотя в нашем возрасте это запрещено. И окуркам место не на полу, а в урне для мусора или в унитазе. Ишь, насорили, не туалет, а городская свалка! – добавил я, не удержавшись.

– Да ладно, уймись! – отмахнулся Фёдоров, тыкая, будто мы с ним пасли гусей, крестили детей и вместе мешками лопали соль, притом крупную и серую, прямо с чумацких повозок. – Теперь нечего гоношиться, твоей практике пришёл «канец»! Лучше скажи: какой тебе накинули балл?

– Поставили «отлично», – сказал я, скрывая эмоции. Кто знает, как они к этому отнесутся, а вдруг у них моя высокая отметка вызовет злобу.

– Ни фиги себе! – воскликнул Саленко.

– Наша взяла! – удовлетворённо произнёс Ибрагимов и, подкрепляя своё чувство, врезал кулаком по своей же ладони.

– А я не сомневался: ты свой пятерик огребёшь, – спокойно сказал Фёдоров и, видя моё недоумение, пояснил: – Когда она, твоя началка-мочалка, на тебя тяфкнула, помнишь: «Нестор Петрович, между прочим, идёт урок!» – передразнил он бедную Ольгу Захаровну. – Да помнишь. Я понял сразу: ты наш, тебя надо спасать. И предупредил всех: кто будет гадить этому студенту, того я разотру по всему классу, остатки выкину в форточку!

– Он меня за тот твой первый урок отделал по высшей норме, чуть не свернул башку, – восторженно пояснил Са-

ленко, точно его наградили орденом. – Говорит: ты чего?

Ибрагимов сдержанно улыбнулся – я понял: досталось и ему.

– Ты долго держался, нас не трогал, молоток! Потом, ясно, на тебя надавили, – выдал мне Фёдоров комплимент, сомнительный для любого учителя. – Ну, валяй, студент, кончай свой институт. Ни пуха тебе, ни пера!

– Идите к чёрту! – послал я их от всей души.

Они вышли, добившись своего и уже забыв обо мне, а я остался на руинах своей славы. Секрет моего педагогического триумфа оказался обескураживающе прост и обиден почти до слёз. Нет уж, решил я, стоя на своих развалинах, отныне к школе не подойду и на километр. Назад в науку! Только туда!

Через месяц я шёл из института в городскую библиотеку и по дороге встретил директора школы. Она пожаловалась:

– Вы ушли, и они снова взялись за своё. Что вы можете посоветовать? Вы их знаете лучше нас.

Я потёр висок, помогая своим извилинам, и пробормотал, не совсем уверенный в мудрости своего совета:

– Постарайтесь вызвать у них нечто похожее на сочувствие. Они в общем-то ребята не злые.

– Сочувствие? Каким образом? Я для них главный враг, – удивилась эта дама.

– Вы тоже бываете как бы в их положении, от вас всё время требуют то или другое. И если что-то не так, вас, конеч-

но, не выставят из класса, не влепят двойку, но, извините, выговор вмажут, а то и выгонят с работы, – пошутил я кисло.

– Считайте: я вас не поняла, – обиделась директриса и, не попрощавшись, пошла дальше.

– Какое совпадение! Я тоже иногда не понимаю себя, – промямлил я вслед рассердившейся женщине.

* * *

Из горно извилистая тропа повела меня по книжным магазинам. Я весь день запасался впрок – учебниками, программами и тетрадями. Сегодня же вечером мне предстоит, выражаясь языком военных стратегов, прямо с марша ввязаться в бой, то есть вести уроки в каких-то, и неизвестно каких именно, классах.

Потом я пообедал, а заодно и поужинал в чебуречной – кто знает, когда покормишься в следующий раз? – и поволок себя в школу.

Мне пришлось пересаживаться с трамвая на троллейбус, затем с троллейбуса на трамвай, потом плутать по рабочему посёлку. Но вот и школа – серое типовое здание в три этажа. С утра в этом доме учатся дети, вечером – рабочая молодёжь. Что ждёт здесь незадачливого Нестора Северова?

И зря торопился – учительская была на замке. Я прислонился к стене возле дверей, смиренно отдаваясь в руки судьбы – всё равно она и дальше будет гнуть своё, так стоит ли

брыкаться или просить о милости.

Из открытых дверей ближайшего класса тянуло сквозняком. Там проветривали и убирали, со скрежетом двигали парты. Вскоре из класса вышла пожилая женщина в чёрном халате, в одной руке ведро, – надеюсь, не пустое, – в другой щётка на длинной палке. Она обила о пол щётку и, заметив меня, пожаловалась:

– Придут, натопчут. Нет, чтоб убрамши закрыть школу, не пускать никого. Нехай стоит себе чистая до утра, а то и всю неделю.

– Остроумная мысль, – сказал я одобрительно.

– А ты озорник. Небось пришёл исправлять двойку? – спросила она деловито.

– Я ваш новый учитель, – ответил я несколько высокомерно, видать, по её мнению, человек с моей комплекцией годится только в ученики.

– Неужто там не нашли кого поматерей? Прислали такого молоденького! – осудила она гороно. – Тебя же здесь изотрут. Они как сатаны!

– Кто они? – насторожился я.

– Кто-кто. Ученики, вот кто! – рассердилась женщина на мою тупость и перешла в другой класс.

Первыми появились две женщины с хозяйственными сумками. Они спорили о каких-то шторах. Одна утверждала, мол, их следует купить, такой случай, по её мнению, не представиться может никогда. Вторая возражала – её беспокоил

лимит.

Я вошёл следом за ними в учительскую, деликатно влез в спор и представил им свою скромную личность. Первая женщина была директором школы. Она едва не кинулась мне на шею, так кстати, оказывается, я пришёл. Их историк заболел туберкулёзом, в полном расстройстве чувств бросил своих учеников и поспешно укатил в Сальские степи – пить жир сусликов. Все классы, начиная с шестого и кончая девятыми, осиротели. Лишь в десятых историю вела сама директор. Словом, наследство осталось мне запутанное – где-то что-то начато и где-то что-то не закончено.

– Заодно поведёте классное руководство. Ваш класс – девятый «А». Этот сумасшедший, замечательный девятый «А»! – вдруг произнесла она сентиментально и тут же вновь буднично добавила: – Так мы его именуем меж собой. Он наша слабость. Но если официально, обычный класс, не лучше и не хуже остальных. В общем, явится завуч, введёт вас в курс дела, и вы, надеюсь, сразу засучите рукава. А пока познакомьтесь с расписанием уроков. Посмотрите: где у вас первый, ну, и прочие. Мы же, извините, займёмся нашими финансами.

И снова в моей жизни выплыл девятый «А»! Другой, но тоже девятый и непременно «А»! Это что? Насмешка судьбы? Или пуще того – злой рок?

Я последовал совету директора и занялся расписанием, висевшим на доске объявлений. Мой дебют пал на шестой

класс, единственный в школе. И ещё из расписания следовало: сегодня я буду занят почти по полной программе, на пяти уроках из шести. Почему-то вспомнилась строка из цирковой афиши: «Весь вечер на манеже...» И всё же пока мне не верилось, будто происходящее касается меня, прогремит звонок, и я, такой славный и не заслуживающий этой доли, отправлюсь на урок, затем на второй... и так потечёт моя бедная жизнь. Казалось, вот-вот кто-то откроет дверь и скажет: «Северов, произошло дурацкое недоразумение, представьте, ха-ха, к школе вы не имеете ни малейшего отношения. Вы свободны!»

Однако на меня словно бы махнули рукой: ну его, пусть мается, нам-то какое дело, – и я обескураженно забрался в угол между шкафами, набитыми мензурками, колбами, тетрадками и прочими наглядными пособиями, и здесь, как бы в самом безопасном месте, дожидался завуча.

В учительской было тесно. В мой левый бок упирались указки и треугольники. С другой стороны наступали газетные подшивки. Сзади нависал плакат с изречением Ломоносова о русском языке, обладающем свойствами французского, немецкого и даже «гишпанского». С противоположной стены прямо в лицо лезла чёрная доска с крупной, выведенной через всё поле, завидной каллиграфической записью: «Тт. кл. руководители! Во вторник, к 18 ч., сдать отчёт о посещаемости в своих классах». Видно, дневная школа не очень-то жалуется помещениями свою вечернюю сестрицу, по-

нимая по-своему поговорку: «В тесноте, не в обиде».

К половине шестого в учительскую потянулись педагоги. По мере того как они приходили, мне становилось немного не по себе. Все мои новые коллеги, словно их кто-то специально подобрал, были дамами. Они копались в тетрадах, наглядных пособиях и тараторили о последних модах и рыночных ценах.

Словом, я, единственный мужчина, был среди них аки заповедный зубр. И они поглядывали на меня с любопытством и даже с некоторым смятением. Присутствие особи мужского пола, несомненно, нарушило вольный женский быт учительской. Так, одна из дам стала прихорашиваться перед зеркалом, но, наверное, наткнувшись взглядом на моё отражение, смутилась и свернула столь приятное действо, не докрасив рот. Вторая, молоденькая блондинка, влетев в учительскую и ещё не ведая о моём существовании, с ходу принялась хвастать своей покупкой – кружевной комбинацией и было потянула вверх подол серой шерстяной юбки, обнажая великолепное бедро в капроне телесного цвета. Однако на неё тотчас зашикали, указывая глазами в мою сторону:

– Светик, у нас мужчина!

Светик-семицветик торопливо одёрнула подол и бросила в мою сторону испуганный взгляд, не забыв залить алой краской.

– Нет! Я ничего не видел! У меня... у меня, вы будете смеяться, зрение минус десять! А очки, представьте, я не ношу!

У меня от них аллергия! – солгал я в панике, тоже отчаянно покраснев. Во всяком случае моим щекам стало жарко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.